

Вильма Гелдоф

Девочка с косичками

Перевела Ирина Лейченко

Вильма Гелдоф

Девочка с косичками

Серия «Встречное движение»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68820270
Девочка с косичками: Самокат; М.; 2023
ISBN 9785001675006*

Аннотация

1941 год, Нидерланды под немецкой оккупацией. Фредди Оверстеген почти шестнадцать, но с двумя тонкими косичками, завязанными ленточками, она выглядит совсем девчонкой. А значит, можно разносить нелегальные газеты и листовки, расклеивать агитационные плакаты, не вызывая подозрений. Быть полезными для своей страны и вносить вклад в борьбу против немцев – вот чего хотят Фредди и её старшая сестра Трюс. Но что, если пойти на больший риск: вступить в группу Сопротивления и помогать ликвидировать фашистов? Возможно ли на войне сохранить свою личность или насилие меняет человека навсегда?

5 причин купить книгу «Девочка с косичками»:

- Роман написан по мотивам подлинной истории самой юной участницы нидерландского Сопротивления Фредди Оверстеген;
- Книга переведена на семь языков, вошла в шорт-лист премии Теи Бекман и подборку «Белые вороны»;
- Рассказывает о взрослении в бесчеловечное время;

- Говорит о близких и понятных ценностях: семья, дружба, свобода, справедливость;
- Показывает, как рождается сложный нравственный выбор во время войны.

О ГЕРОИНЕ КНИГИ:

Фредди Оверстеген родилась 6 сентября 1925 года в городе Харлем недалеко от Амстердама. Фредди было всего 14 лет, когда она присоединилась к движению Сопротивления. Фредди вместе со старшей сестрой Трюс и подругой Ханни Шафт участвовала в минировании мостов и железнодорожных путей (подкладывая динамит), а также они помогали спасать еврейских детей. Но основной её задачей было соблазнять немецких офицеров и завлекать их в укромное место в лесу, где в засаде уже поджидали старшие товарищи группы, которые ликвидировали врага.

Фредди не стало 5 сентября 2018 года, за день до её 93-летия. Она не дожидаясь выхода книги, рассказывающей о её подвиге. О смерти Фредди Оверстеген писали не только в газетах Нидерландов, но и в The Guardian, The Washington Post, The Daily Telegraph, The New York Times, а также в датских, чехословацких, индийских, португальских газетах.

«Её война никогда не прекращалась.»

The Guardian

«Это был источник гордости и боли – опыт, о котором она никогда не сожалела.»

The Washington Post

«Мать дала сёстрам только один совет: «Всегда оставайся человеком.»

The New York Times

Содержание

Пролог	7
1	12
2	26
3	34
4	47
5	59
6	73
7	85
8	104
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Вильма Гелдоф

Девочка с косичками

*Посвящается Фредди
(06.09.1925–05.09.2018)*

*Мы девочки, но девочки с характером.
Парафраз цитаты из рассказа «Титанчики»
нидерландского писателя Нескио (1882–1961 гг.): «Мы
были мальчиками, но добрыми мальчиками».*

*Мы дочери разбойниц, в нас – их отвага.
Йови Шмитц, нидерландская писательница, автор
книг для детей и взрослых*

*Настоящая опасность, особенно в
нестабильные времена, – это простые люди,
которые вместе и составляют государство.
Настоящая опасность – это я, это вы. Без нас
диктаторы – всего лишь пустозвоны, напичканные
ненавистью и беспомощными мечтаниями о
насилии.
Ги Кассирс, режиссер спектакля по роману
«Благовоительницы» Джонатана Литтелла*

Het meisje met de vlechtjes © 2018 by Wilma Geldof

Originally published by Uitgeverij Luitingh-Sijthoff B.V.,

Amsterdam

© Ирина Лейченко, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом «Самокат», 2023

Пролог

Октябрь 1933 года

Мама усадила меня на стол и принялась заплетать мне волосы.

– Ну как, все запомнила? – спросила она.

Я кивнула, но машинально – мама отпустила косы и обхватила мое лицо руками. Повернула его так, чтобы я смотрела прямо на нее.

– Да-а, – протянула я и пошевелила пальцами ног. Точнее, попыталась: старые боты сестры были слишком тесны. Подошвы прохудились, каблук еле держался. Ходить в них удавалось, только поджав пальцы.

– И что же ты будешь делать? – спросила мама.

– Да ничего особенного. Сидеть, пока не получу то, за чем пришла.

– И почему?

– Потому что у меня есть на это право, – ответила я.

Мама рассмеялась и чмокнула меня в лоб.

– Вот и правильно, милая!

На большой перемене я постучала в дверь директорского кабинета. Ответа не последовало. «Никого нет, – с облегчением подумала я. – Теперь можно домой». *Я не виновата, мама, директор как раз вышел.* Мама пристально заглянет

мне в глаза, в ее взгляде мелькнет разочарование. «Придется мне самой идти», – скажет она.

Живот скрутило, но я постучала снова, громче. Опять тишина. Может, директор и правда вышел. Я взглянула на портрет королевы Вильгельмины над дверью, но и королева не знала, что делать. Подождав, пока дыхание немного выравнивается, я взялась за ручку, бесшумно нажала и открыла дверь.

А вот и он, сидит за большим письменным столом. Не поднимая головы, директор коротко взглянул на меня и продолжил писать. Белая рубашка, черный галстук, фрак. Все в нем было толстое и короткое: толстая короткая шея, толстые короткие пальцы. В стеклянной пепельнице на столе тлела толстая сигара.

– Моя мама просит карточку на новую одежду, – дрожащим голосом произнесла я.

Директор затянулся сигарой, положил ее обратно в пепельницу и выдохнул дым в мою сторону, ничего не ответив.

– Моя мама просит карточку на новую одежду, – закашлявшись, повторила я. – Карточку материальной помощи.

Продолжая писать, директор медленно и устало покачал головой.

Я хорошенько вдохнула, переступила через порог и с колотящимся сердцем уселась на стоящий у стола стул.

Теперь-то директор посмотрел на меня по-настоящему.

Я сложила руки на груди, зацепилась ногами за ножки сту-

ла.

– Мама велела сидеть тут до тех пор, пока не получу карточку.

– Тогда сиди, – невозмутимо ответил он и, обмакнув перьевую ручку в чернильницу, снова стал писать. Его губы чуть дрогнули в улыбке.

За его спиной, в рамке большого окна, по школьному двору бежали двое – соседский Петер и другой мальчик, незнакомый. Вокруг старого дуба с оголенными осенью ветвями на одной ножке прыгала моя сестра. Внезапно она подняла с земли скакалку и подбежала к директорскому окну. Теперь с каждым прыжком за стеклом мелькало ее обеспокоенное лицо. Я покачала головой. *Не получается, Трюс. Не уходи! Иначе я тоже уйду.* Трюс отбежала обратно к дереву и прислонилась к стволу. Она подождет, в этом я не сомневалась. Но теперь я едва видела ее: в своем коричневом платье сестра почти слилась с дубом. На дворе больше никого не было. Вид из окна превратился в мертвый пейзаж.

В кабинете слышалось лишь тихое поскрипывание пера по бумаге. От сигары в пепельнице поднимался прямой столбик дыма. Я принялась рассматривать стены. Совершенно голые, даже часов нет. Мы с директором сидели как будто в мыльном пузыре. Даже дышать страшно. Я досчитала до ста. И проколола пузырь.

– Учитель, можно мне бутерброд? – услышала я свой голос. – Сейчас обед, а домой я уже не успею.

Директор засопел, нагнулся и вынул откуда-то коричневый бумажный пакет. Молча протянул мне ломтик ржаного хлеба. Я так же молча стала его жевать. И ждать дальше. А директор обмакнул ручку в чернила и вернулся к письму.

Он все писал и писал. Больше ничего не происходило. Только кончик сигары, когда директор затягивался ей, время от времени вспыхивал оранжевым.

Я посчитала от ста до нуля. Потом встала.

– Моя мама просит карточку на новую одежду, – громко сказала я. Получилось неожиданно визгливо. Чего доброго, еще раскричусь. Я сжала губы.

– Твоя мама? – переспросил директор. Он затушил сигару в пепельнице и язвительно хмыкнул.

Маму он знал. Ее все знали. На прошлой неделе я принесла ей письмо из школы. На конверте значилось: «Для юфрау¹ Ван дер Молен».

– Не знаю такой, – отрезала мама, не заглядывая в конверт. – Отнеси обратно.

– Как же в таком случае зовут твою маму? – спросил тогда директор.

– *Меффрау* Ван дер Молен, – ответила я.

Его глаза удивленно расширились, и он оглушительно расхохотался: жена рабочего – это тебе не меффрау, а уж бывшая жена и подавно.

– Твоя мама... – повторил теперь директор, аккуратно ма-

---

¹ Юфрау – обращение к незамужним женщинам, меффрау – к замужним.

кая перо в чернила. — На прошлой неделе принять карточку материальной помощи она не пожелала. А теперь, выходит, я должен выписать ей новую?

Я пораженно уставилась на узкий рот, из которого вылетели эти слова, потом на короткие толстые пальцы, так осторожно, почти нежно берущие промокашку, чтобы не допустить клякс и разводов. Мой взгляд остановился на чернильнице.

Я рванулась вперед и одним махом сбросила чернильницу со стола. Она отскочила от металлического шкафа и ударилась о стену, по полу потекли черные, как запекшаяся кровь, ручейки. Мы оба воззрились на доказательство моего преступления. Через мгновение директор вскочил и занес руку для удара.

Упредив его, я кинулась к двери.

— Вон! — завопил он. — Вон отсюда! Ты точно такая же, как твоя мать!

— Неправда! — прокричала я в ответ. — Мама никогда ничего не проливает!

— ...отстраняю!.. На три ме... — донеслось из кабинета, но меня уже и след простыл. Пылая гневом, я вылетела на улицу.

Это начало – август 1941-го.

С господами в шляпах мы знакомства не водим. Перегнувшись через мамину кровать, я чуть приподнимаю будничную светомаскировочную занавеску и удивленно разглядываю стоящего у двери человека. Зову маму, она наверху.

– В шляпе? – переспрашивает из гостиной сестра.

– Высокий и стройный... – таинственным тоном сообщаю я и присвистываю сквозь зубы. – Лицо – что твой принц. Кинозвезда, Трюс! Поди, твоей руки просить пришел.

Я слышу, как мама открывает входную дверь.

– Хорош ребячиться. – Трюс опускает в кастрюлю последнюю картошку, осторожно, словно та стеклянная, и вытирает грязные руки о синее платье. – Можно подумать, тебе не пятнадцать, а десять, – говорит она, но все же улыбается.

– Вообще-то, почти шестнадцать. – Я улыбаюсь в ответ. – А вот тебе, можно подумать, скоро не восемнадцать исполнится, а все восемьдесят.

Пришел он не к ней, понятное дело. Не такая уж она красавица. Но вслух я этого никогда не скажу.

В комнату заглядывает мама.

– Он хочет поговорить, – тихо сообщает она. – С вами.

– С нами?

До сегодняшнего дня мы разговаривали только с мужчи-

нами в кепках!

Трюс прыскает со смеху и относит кастрюлю с картошкой на кухню. Я глупо хихикаю. Пытаюсь поспешно закрыть раздвижные двери, разделяющие гостиную пополам, – хочу спрятать мамину кровать, – но из-за этого идиотского смеха ничего не выходит. Двери слегка перекошены и не поддаются.

– Да, с вами. Я немного знакома с ним по партийной линии. – Мама состоит в Коммунистической партии. Вернее, состояла: сейчас партия под запретом, ведь коммунисты – враги нацистов. – Это связано с Сопротивлением.

Трюс изумленно смотрит на маму. Мы-то просто разносим нелегальные газеты, всего-навсего. При виде озадаченного лица сестры на меня опять нападает смех.

– Да хватит тебе, Фредди! – шепчет Трюс, прикрывая рот рукой, чтобы самой не расхохотаться.

Мама открывает дверь, впуская господина в шляпе, а я все не могу стереть с лица улыбку. Даже когда, борясь со щекоткой в горле, протягиваю ему для рукопожатия свою обмякшую от смеха ручонку. Он представляется, но его имя от меня ускользает.

Из-за его плеча на меня умоляюще смотрит Трюс. Я закусываю губу. Надо перестать смеяться.

– Я вам нужна? – спрашивает мама.

– Нет-нет, – отвечает гость. Голос у него спокойный, теплый.

– Тогда я буду наверху, – говорит мама. – В наши дни меньше знаешь – крепче спишь.

Другая мама настояла бы на том, чтобы остаться. Другие мамы у себя в доме заправляют всем, но наша не такая. Мама нам вроде старшей сестры.

Дверь закрывается, мамины шаги, простучав по лестнице, исчезают наверху. Мы с Трюс остаемся в маленькой гостиной, наедине с гостем. Внезапно я затихаю. По комнате кружит пчела, несколько раз проносится между нами, потом отлетает и со стуком врывается в стекло раздвижной двери. В этой внезапной тишине, когда слышно только, как пчела бьется о дверь, я замечаю, что господин в шляпе нравится сестре не меньше моего. Уши у Трюс пылают так же ярко, как ее рыжие волосы, щеки зарумянились, а сидит она с прямой как дощечка спиной, не касаясь спинки дивана, будто перед ней и впрямь звезда кинематографа. Обычно Трюс, самая благоразумная из нас, всегда знает, что делать, но сейчас, похоже, она не способна выдавить из себя ни слова.

– Садитесь, пожалуйста, – торопливо говорю я и указываю на красивое кресло, обитое темно-красной материей, но он опускается в другое, проваленное, с торчащей пружиной. «Нет-нет, не туда», – хочу сказать я, но он уже сел. Я с любопытством ищу в его лице признаки испуга или боли. Но нет, ни следа. А он молодец! Я улыбаюсь Трюс и плюхаюсь на диван рядом с ней, со всей силы, так что она слегка подпрыгивает.

Господин снимает шляпу. Вообще-то, внешность у него не такая уж и примечательная, но есть в ней что-то эlegantное. На нем твидовый пиджак с кожаными заплатками на локтях. В нашей части города такие не носят. И черты лица у него тонкие, интеллигентные, от них веет спокойствием, хоть ему в задницу и впивается пружина.

– Так, значит, вы обе уже весьма активно участвуете в Сопротивлении? – начинает он.

Чего? Что за идиотский вопрос! Мы ведь даже не знаем, можно ли этому незнакомцу доверять! Мы с Трюс одновременно пожимаем плечами. О подобных вещах не болтают.

Он улыбается.

– Я все знаю.

Трюс напрягается.

– Это еще откуда? – неохотно заговаривает она. От румянца не осталось и следа.

– Товарищи рассказывали, – быстро отвечает господин. – Партийцы.

Ах да, он же тоже красный. Тоже коммунист.

– Говорят, дочери Красной Трюс не робкого десятка.

Красная Трюс – так прозвали нашу маму.

Я в растерянности смотрю на сестру. *Ты отвечай за нас, пытаюсь внушить я ей взглядом, ты же из нас самая старшая и благоразумная, сама ведь говоришь!*

– Что вам от нас нужно? – спрашивает Трюс. Ее слова звучат строго, по-взрослому.

Гость складывает руки на коленях.

– Я собираюсь организовать антифашистскую боевую группу, – серьезно отвечает он. – Чтобы задать фрицам по первое число. И для этого мне понадобятся люди рискованные, смелые. – Он умолкает и по очереди смотрит на нас. – Те, кто способен не только работать посыльными, расклеивать плакаты или раздавать стачечные листовки...

Он снова умолкает. В наступившей тишине я понимаю: а ведь ему совершенно точно известно, чем мы занимаемся, – работаем посыльными, расклеиваем плакаты и раздаем стачечные листовки.

Начали мы год назад. У мамы тогда разболелось колено. «Пойдете вместо меня?» – спросила она. Мы легко справились. А уж после каждый день – «Вперед, за работу!».

Выходит, этот господин решил, что мы как раз такие, каких он ищет, – рискованные и смелые. Я молчу, Трюс тоже.

– Вы еще ходите в школу?

– Нет, – коротко бросаю в ответ я.

Я бы ходила, да и учитель уверял маму, что я бы прекрасно успевала и в средней школе, но денег на учебу не хватало. И все. Уже десять лет с тех пор, как отец от нас ушел, мы живем на пособия. Или на те гроши, которые мама зарабатывает, когда ей удастся найти работу. В прачечной она получала... Сейчас вспомню... Ах да, две трети от того, что платили мужчинам.

– Жаловаться вздумала? – возмутился начальник, когда

она упомянула прибавку к зарплате. – Да такие бабы, как ты, всю работу у мужиков забирают!

– Ничего подобного, – возразила мама. – Ни один мужик за такие деньги и пальцем не шевельнет.

С прачечной пришлось распрощаться.

– Не ходите, значит. Работаете? – интересуется господин.

– Нет, – так же коротко отвечает Трюс.

Горничной из нее не вышло. Как раз на днях ее в очередной раз погнали с места. Мы помогаем маме по дому. Да и на помощь Сопротивлению уходит немало времени.

– Чего вы от нас хотите? – холодно спрашивает Трюс. – У вас есть для нас работа?

Гость улыбается, потом, посерьезнев, объясняет:

– Да. Я хочу создать группу активного сопротивления. Мы будем пускать под откос поезда с боеприпасами. Подрывать железнодорожные пути. Красть оружие у фрицев или у полиции. Расправляться с предателями. – Он умолкает в ожидании нашей реакции. Потом добавляет: – Это будет группа насильственной борьбы.

И он приглашает нас в эту группу?

– Вы мне нужны, – говорит он.

Мы? Девчонки?!

У меня перехватывает дух. Нет, думаю, в такую группу мы вступать не станем, ясное дело. Ни в жизнь! Надо признать, его планы отличаются от того, что советует населению пра-

вительство в лондонском изгнании², – «приспосабливаться» и «продолжать жить как обычно». И от речей тех, кто уверяет, что «все будет хорошо», ведь немцы и голландцы – близкие по расе и языку народы. Причем речи такие ведут не только местные национал-социалисты. А вот слова этого господина – решительные слова – мне больше по нраву. Хотя в группу его я, само собой, не пойду! Не способна я на такое. И Трюс не способна. Я невольно отсаживаюсь от визитера подальше, пока не натыкаюсь на спинку дивана.

– Я не просто так к вам зашел, – продолжает он. – Мой выбор пал именно на вас.

Я зажимаю ладонью рот, чтобы не фыркнуть. Когда он уйдет, нам с Трюс будет над чем посмеяться.

Трюс молча сидит рядом. Щурясь, разглядывает его, изучает, будто пробует на вкус.

– Почему? – хочет знать она.

– Потому, что слышал от партийцев, что вы храбрые, и... – он улыбается, – ...потому что группе нужны женщины.

Женщины, повторяю я про себя. *Женщины*... Что до Трюс, так она скорее наполовину мальчишка. Не сорвиголова, нет. Просто из тех, кто сидит, широко расставив ноги, как парень. Ей место в порту или – с ее вечно мятой одеждой – за тележкой старьевщика. Но я не такая. Со-вер-шен-но не такая. Я кладу ногу на ногу и выпрямляю спину.

---

² После капитуляции Нидерландов 15 мая 1940 года королева Вильгельмина была эвакуирована в Великобританию, где возглавила правительство в изгнании.

Он широко улыбается.

– Вы же еще совсем девчонки! Фрицам и в голову не придет вас заподозрить!

– Значит, – говорит Трюс, – вы выбрали нас потому, что фрицы не примут нас всерьез?

– Точно, – отвечает он.

– Отлично! – язвит Трюс.

Я вдруг вижу нас его глазами. Нас обеих. Две девочки в линиялых матросских платьях, белых носочках и ботах. Я худенькая, метр шестьдесят ростом, выгляжу на двенадцать. Щеки мягкие, круглые, как у ребенка. Ни единого прыщика на лице. Вместо груди – две горошины на полочке.

Господин смотрит на меня и склабится.

– Косички лучше оставить.

Я часто заплетаю волосы, так проще всего. Я тереблю косички, слабо улыбаюсь в ответ и чувствую, что заливаюсь краской.

– Еще бантики завяжи! – советует он.

Я натягиваю подол платья на костлявые колени, ковыряю корочку на ранке.

– А еще, – снова посерьезнев, продолжает он, – я научу вас обращаться с пистолетами, ручными гранатами и взрывчаткой.

Я ошарашенно таращусь на него.

– Нам придется стрелять в людей? – Трюс задает этот вопрос с бесстрастным выражением лица, будто осведомляет-

ся, не пойдет ли завтра дождь.

– В людей – нет, – многозначительно произносит он.

– А! – Я облегченно выдыхаю.

– В гестаповцев. Или в предателей.

– Убивать мы никого не станем, – решительно заявляет Трюс. – Не все немецкие солдаты – нацисты.

– Мы ведь стреляем не во всех солдат подряд. – В его голосе проскальзывает нотка нетерпения, но быстро исчезает. – Вы наверняка слышали о боевой группе «Гёзы»?

– Да, – дружно отзываемся мы. Это ужасная история.

– Всю группу арестовали и расстреляли, – продолжает он. – Восемнадцать человек. Один умер от пыток. – Он многозначительно замолкает.

Я невольно сжимаю кулаки и в то же время слегка съеживаюсь.

– Того гада, что их сдал, надо наказать, согласны?

Мы послушно киваем. Конечно надо!

– Зачем? – Господин обращается ко мне. – Зачем его наказывать?

– Зачем? – повторяю я. – Ну как же, он ведь гад! Вы же сами говорите!

– Нет! Мы наказываем не для того, чтобы отомстить, а для того, чтобы он не сдал кого-нибудь другого.

Ах вот как!

– В Советском Союзе женщины и дети тоже помогают армии, – добавляет он.

Я медленно киваю, но мне вдруг стало трудно дышать.

— Мы что, будем... — начинает Трюс.

Гость строгим голосом прерывает ее:

— Я не говорю, что вам лично придется устранять предателей. Но вы должны быть с этим согласны. — Затем улыбается, тон его теплеет. — Вы идеально подходите нашей группе. Не могу представить себе лучших кандидаток для этой работы. Правда. Подумаете над моим предложением? Пожалуйста.

Он встает, берет свою шляпу и, не двигаясь с места, испытующе смотрит на нас.

— Через три дня, в четверг после обеда, я вернусь за ответом. Если он будет отрицательным, вы меня никогда не видели и ни разу со мной не разговаривали. Это ясно?

Мы киваем.

— А если положительным... — Он делает длинную паузу. — То вам нельзя будет об этом говорить. Для меня это все равно что предательство. И тогда... — Он быстро проводит рукой у горла и строго смотрит на каждую из нас по очереди. — Так что никому ни слова. Даже матери. Это...

— Но как же? — обрываю я его. — Маме-то рассказать можно!

— Можете рассказать, что я пригласил вас в группу. Но не о том, чем именно мы занимаемся. Понятно?

Мы потрясенно киваем.

Входная дверь захлопывается, а мы так и сидим, молча уставившись перед собой.

– Это слишком рискованно, Фредди. Я боюсь, – через какое-то время шепчет Трюс. – Нельзя соглашаться.

– Конечно, нельзя, – вторю я ей. – С чего вдруг?

Мы молчим. Смотрим на стену. На то место, где стояла мефрау Кауфман...

* * *

Мефрау Кауфман...

Это случилось месяц назад. У нашего дома остановился автомобиль. Рокот мотора. Хлопающие дверцы. Стук в дверь. Не кулаками – громче, ружейными прикладами. Мы всегда думали: евреи, которых мы укрываем, смогут быстро спрятаться. Но в тот момент мефрау Кауфман и маленький Абель, как назло, находились внизу. С нами. В гостиной.

– Фрицы, мама! Фрицы! – глухо закричала я.

Поспешно приколов обратно светомаскировочную занавеску, я взглянула сначала на маму, потом на мефрау Кауфман. Та схватила сына за руку и в панике повернулась к маме. Мефрау Кауфман была молодой женщиной с волнистыми каштановыми волосами и добрыми карими глазами. Мне она казалась ужасно красивой. У ее сына, крепкого белоголового мальчугана пяти лет, были такие же глаза.

– Наверх! Быстро! – прошипела я. Хотя тогда они должны будут пробежать мимо входной двери. А в нее все еще колотят. – Нет, в сад!

Мама покачала головой. Так им тоже придется пройти по коридору. Она кинулась к двери. Если не открыть, ее проломают прикладами.

– Kommen Sie herein, meine Herrschaften³, – любезно заговорила она, будто приветствуя старых друзей.

Из сумерек в нашу тесную гостиную ввалились два армейских чудовища. Вид у них был знакомый. Я встречала их раньше – все на одно лицо. Серая форма, черные перчатки и сапоги из блестящей кожи, знаки различия на воротниках, рукавах и погонах. Эсдэшники⁴. Глаза у них были как пули, и они пальнули ими прямо в меффрау Кауфман. Та вместе с Авелем отпрянула и прижалась к стене.

По лестнице загромыхали солдатские сапоги, топот переместился наверх. Вскоре солдаты спустились обратно, вместе с Трюс – она вбежала в гостиную и встала рядом со мной у раздвижных дверей, плечом к плечу. Один из фрицев опустился в кресло.

– Sie haben hier Juden untergebracht!⁵ – крикнул он маме. Уголки его рта в гнев поползли вниз. Он поднялся, шагнул к меффрау Кауфман и сказал по-немецки: – Пять минут на сборы.

– Прошу прощения? – переспросила мама.

---

³ Прошу, входите, господа (нем.).

⁴ СД – Служба безопасности рейхсфюрера (сокр. нем. SD от Sicherheitsdienst) – разведывательная служба СС.

⁵ Вы прячете евреев! (нем.)

– Они нелегалы! – рявкнул он. – В Вестерборке, на северо-востоке страны, устроен лагерь для беженцев. Им место там.

За спиной у мамы мефрау Кауфман прижала к себе маленького Авеля. Дом затаил дыхание.

Эсдэшник схватил мефрау Кауфман за плечо, и мама бросилась между ними.

– Sie! – воскликнула она. – Sie sind ein gebildeter Mann! Sie lassen sich als Menschenjäger benutzen?⁶ – Она возмущалась так, будто готова была накинуться на самого фюрера.

– А ну заткнись, баба! – прорычал эсдэшник ей в лицо. – Или тоже хочешь прокатиться, с дочерьми?

Он так сильно толкнул маму, что она ударилась об стол. Мы с Трюс тут же встали между ней и немцем. Не произнесли ни слова, но наши напряженные позы говорили: только попробуй еще раз!

Авель по-прежнему жался к стене, бледный, как обои. Трюс подошла к нему и взяла за руку.

Эсдэшник повернулся к мефрау Кауфман и стал выталкивать ее в коридор. Другой немец проворчал:

– А мы-то что поделаем? Befehl ist Befehl⁷.

С лестницы, а потом со второго этажа доносились крики мефрау Кауфман. Авель вырвался из рук Трюс. Мама кину-

---

⁶ Вы! Вы же образованный человек! И позволяете делать из себя охотника за людьми? (нем.)

⁷ Приказ есть приказ (нем.).

лась в коридор, вверх по лестнице, Авель за ней. Мы с Трюс хотели было ринуться за ними, но мама прокричала, чтобы мы оставались в гостиной. Мы метнулись к маминой кровати в другой половине комнаты и, приподняв занавеску, выглянули на улицу. Солдаты с винтовками наизготовку. Полицейский грузовик. В кузове люди, сидят потупившись, будто им стыдно. Тут мы увидели мефрау Кауфман. Двое солдат выволокли ее из дома, вытолкали на улицу, ударами погнали в машину. Она уронила чемодан, он упал на тротуар и раскрылся.

– Mutti! Mutti!⁸ – заплакал малыш. Он полез в кузов, но споткнулся на ступеньке. Один из фрицев грубо подсадил его.

Между тем мама торопливо запихивала в чемодан розовую блузку. Не успела она защелкнуть металлические замки, как солдат выхватил чемодан у нее из рук, швырнул его в грузовик и запрыгнул следом.

Больше мы Кауфманов не видели.

---

⁸ Мама, мама! (нем.)

На лестнице раздаются мамины шаги. Мы с Трюс так и сидим на диване.

– Чего хотел Франс ван дер Вил? – спрашивает она, вываливая на стол гору чистого белья.

Вот, значит, как его зовут.

– Франс... э... – говорю я, быстро перекинувшись взглядами с Трюс, – Франс пригласил нас присоединиться к его группе Сопротивления. – Мой голос звучит беспечно, будто такие приглашения нам поступают каждый день. – Ты его знаешь, мам?

– И что вам придется делать? Что-нибудь опасное?

– Ты же ничего не хотела слышать, – напоминает ей Трюс.

– Подробности – нет! Только то, что ему нужно от вас. Ничего опасного?

Трюс молчит.

– Что тогда? Подделывать продовольственные карточки?

Трюс кивает.

– Заниматься саботажем? – Мама раскладывает гладильную доску.

– Чего-чего? – не понимаю я.

– Перерезать телефонные кабели, перегораживать рельсы и тому подобное?

– Да, и это тоже, – отвечает Трюс и быстро спрашивает: –

Но как ты думаешь, мам? Ему можно доверять?

– Я его едва знаю. – Мама задумывается. – Поспрашиваю у товарищей по партии.

Как всегда по вечерам, Трюс укладывается на старом диване в гостиной. Я лежу напротив нее, на двух сдвинутых креслах. Мама – на кровати за раздвижными дверями, в другой половине комнаты. Мама сказала, что теперь мы снова можем спать наверху, в наших кроватях, но для нас это означает смириться с тем, что произошло с Кауфманами.

Я поудобней устраиваюсь на подушке. Под подушкой – сиденье кресла. На этом кресле месяц назад сидел своей немецкой задницей тот фриц, и всего несколько часов назад – этот господин. Настоящий господин в шляпе. Франс ван дер Вил. Который выбрал нас для своей боевой группы. Меня и Трюс!

– Если мы скажем этому Франсу «да», все изменится, – шепчу я сестре.

Мама легла полчаса назад. Я слышу ее ровное дыхание: она спит.

Трюс невесело усмехается.

– Все изменилось давным-давно, – говорит она.

Я киваю, хоть сестра и не видит.

– Еще когда немцы разбомбили Роттердам⁹, – добавляет

---

⁹ Роттердам был разбомблен 14 мая 1940 года во время немецкой операции по захвату Нидерландов. Его уничтожение и угроза бомбежки других городов заставили правительство согласиться на капитуляцию.

Трюс.

– Ну да, – бормочу я.

Тогда мы быстро поняли, чего ждать от этих подонков. Хотя позже в газетах писали, что немецкие солдаты ведут себя «чинно и любезно». Бомбы они тоже чинно и любезно кидали? Предварительно извинившись?

– Нет, – вспоминаю я. – Еще раньше. Когда они стали гоняться за евреями.

Тогда, после Хрустальной ночи, здесь появились первые беженцы. С тех пор прошло три года.

– Нет, еще раньше, – вспоминает Трюс. – В тридцать третьем, когда к власти пришел Гитлер.

Я нарочито громко вздыхаю.

– Нет. Еще раньше, – говорю я. – Сразу после Мировой войны, потому что... э...

Я замолкаю, потому что не знаю, что именно тогда пошло не так. От истории у меня голова идет кругом. Это как в детстве, когда я писала свои имя и адрес:

Фредди Оверстеген
улица Брауэрсстрат
район Лейдсеварт
город Харлем
Нидерланды
Европа
Мир
Вселенная

...и чувствовала, что проваливаюсь в головокружительную, невообразимую бесконечность.

* * *

Разузнать побольше о Франсе ван дер Виле мама сможет только через несколько дней, но я уверена: ничего плохого не выяснится. Ведь он настоящий джентльмен!

Жаль, что того же нельзя сказать о моем отце. Он вольная птица, ему милее летать по белу свету, чем жить с нами. Мы для него – клетка. Мама говорит: когда у него к тому лежала душа, он работал (нечасто), а когда нет – пил (очень часто). И гонялся за женщинами. Я знаю: слышала разговоры мамы и тети Лены. Отец даже к тете Лене подкатывался! К маминой сестре! Прямо дома, на кухне. Мама лежала со мной в постели – я тогда только родилась, – а отец заглядывался на тетю Лену. Точнее, не просто заглядывался. Пытался добиться... ну, того самого.

К счастью, ничего у него не вышло: тетя Лена влепила ему пощечину.

– Такие, – говорит мама с влажными глазами, как только речь заходит об отце, – нам не нужны, правда ведь?

– Правда! – соглашаемся мы с Трюс.

Когда другие дети спрашивают, где мой папа, я говорю: «Умер». У меня есть мама и Трюс. Всё. Нас трое. По отцу мы не скучаем. Наша семья – это мы. Не он.

– Кстати, о Франсе, – начинает мама.

Они с Трюс складывают белье. Мама не глядя соединяет уголки простыни – точность ей не важна – и подходит к Трюс, чтобы сложить обе половины. Отдает ей простыню и садится на диван.

– Да, что ты слышала? – Трюс замирает с простыней в руках.

– Ему можно доверять, – просто говорит мама.

– Что тебе рассказали? – не терпится узнать мне.

– Что из него выйдет прекрасный командир группы. Людей он подобрал отличных. О тех, кого не знал лично, вывел все до мельчайших подробностей.

– Серьезно? – удивляется Трюс.

– Seriously.

Так я и думала!

– Что скажешь, Трюс? – Я опускаюсь на диван рядом с мамой. На подоконнике у нее за спиной качает головой моя игрушечная жестяная черепашка – вверх-вниз, вверх-вниз. «Соглашайтесь! – говорит она. – Соглашайтесь!»

– Не торопитесь с решением, – советует мама.

– Как это – не торопитесь? – Я думаю о госпоже Кауфман и маленьком Авеле.

– Война, она, может, еще целый год продлится, – говорит мама.

– Мейер Ван Гилст говорит, Сопротивление бесполез-

но. – Трюс еще раз складывает простыню. – От немцев, мол, все равно не избавиться. Это навсегда. Нидерланды теперь – часть Германии.

– Ах, да не слушайте вы этого бакалейщика! – отмахивается мама.

– Он же отец Петера! – напоминаю я.

– И рассуждает как настоящий торговец.

– Вообще-то, многие так рассуждают. – Трюс кладет сложенную простыню на стол.

– Они неправильно мыслят. Они ведь не коммунисты! – Мама потирает костяшки пальцев, покрасневшие от стиральной доски. – Легко кричать, что Германия сильнее, ведь тогда незачем и бороться с несправедливостью. Но не выбирать – это тоже выбор. – Она смотрит перед собой. – Нельзя смириться с немецким ярмом. Ни с каким ярмом нельзя.

Кажется, ее взволновали собственные слова. О ком она думает? О фрицах? О моем отце?

Я хочу погладить ее по плечу, но она уже пришла в себя.

– Нидерланды будут свободными, Трюс. – В ее голосе звучит знакомая уверенность. – Это вопрос времени.

– На свете есть добро и есть зло, – говорю я. – И со злом нужно бороться. Так ведь, Трюс?

Трюс задумчиво склоняет голову. Потом медленно поднимает на меня глаза и кивает.

– Вы правда хотите в группу Франса? – спрашивает мама. На миг на ее лице проступает улыбка, глаза блестят. Но

через секунду она уже тревожно морщит лоб. – Вы ведь не обязаны соглашаться. Вы – самое важное в моей жизни, а эта работа смертельно опасна. Вы и так уже помогаете, раздавая листовки. Тоже достойное дело.

– Мам, я хочу делать больше! – возражаю я. – И ты сама говоришь: это не навсегда!

Мама пожимает плечами.

– Но это ведь не значит, что нужно немедленно вступать в Сопротивление...

– Ты сама разрешила нам поговорить с Франсом! – напоминает Трюс.

– Да, но я же не знала... – Мама умолкает, устремляет задумчивый взгляд в пустоту. Потом говорит: – А что, если это продлится дольше года?

– Я все время думаю о мефрау Кауфман и Авеле, – говорит Трюс, – и о том, что происходит с евреями. Им теперь все запрещено, скоро их всех увезут, мам! – Ее голос срывается.

Трюс права.

– Да пусть эта война хоть два года продлится! – кричу я.

Воцаряется тишина. Высоко в небе гудят самолеты. Надеюсь, британские бомбардировщики на пути в Германию.

Мама испытующе смотрит на меня.

– Скажу вам одну вещь... – Она берет Трюс за руку и мягко усаживает ее рядом со мной. – Не знаю, чем именно вы будете заниматься, да вы и сами не знаете, но... – Она проводит пальцем по моей щеке. – Всегда оставайтесь людьми. – Ее

взгляд серьезен, слова падают тяжело, весомо. – Не уподобляйтесь врагу. Не марайте руки. Никаких оправданий вроде «приказ есть приказ». Всегда думайте своей головой.

– Да, конечно, – тут же соглашаюсь я.

Трюс кивает.

– Мы же не дурочки. Мы всегда будем думать самостоятельно. По крайней мере, я.

– Я тоже!

Мама внимательно смотрит на нас.

– И не убивайте, – говорит она. – Никого, даже злодеев.

Трудно поверить, что она так серьезна. Она еще никогда с нами так не разговаривала.

Может, я и не такая рассудительная, как Трюс, но способна отличить добро от зла. Я нарушаю тишину.

– Я прислушиваюсь к себе. К своему... – Кладу руку на грудь, но речь не о сердце. – К своему нутру.

Я краснею – так высокопарно это звучит. Но мама говорит:

– Как ты хорошо сказала, малышка!

Я кладу голову ей на плечо. За моей спиной она протягивает руку Трюс. Я слышу над собой мамин голос:

– Мир больше нас. А вы всегда в моих мыслях. Не забывайте об этом, никогда.

– Прежде чем я допущу вас на собрание группы, – говорит Франс, – вам придется выполнить одно задание.

Он стоит, прислонившись к большому дубу на краю лесопарка Харлеммерхаут, напротив винного магазина «Де Хаут», где он назначил нам встречу. На его губах играет странная улыбка.

Мы с Трюс переглядываемся. В ее глазах вопрос: «Это что еще значит?» Я пожимаю плечами. Видно, так у них принято, ну и что? Трюс повсюду мерещится подвох!

– Пойдемте, – машет нам Франс и ступает на лесную тропу. Быстрым пружинистым шагом он ведет нас за собой.

Мы входим в лес, в темноту. Пахнет влажным мхом. Я вглядываюсь вдаль, где тропинка сужается. Конца не видно.

Вечер сегодня ясный, но в чаще об этом забываешь. Тропа не такая уж узкая, а деревья высокие. Высокие и черные. Идешь будто по туннелю. Месяц скрывается за облаком.

– Осторожно, барышни, – предупреждает Франс: дорогу преградило поваленное дерево.

Я смотрю то на тропинку, то на спину Франса. Впереди все равно не видать ни зги. Наши ноги почти бесшумно переступают через дерево, шагают по земляной тропе, по сухим листьям, вдоль густых кустов. Как далеко еще идти? Что придется делать? От напряжения у меня сводит плечи. Тут и

там из кустов доносится шорох – ночные звери. Мыши, наверное. Или птицы? Понятия не имею. Я выросла в городе.

Постепенно глаза привыкают к темноте. Мы приближаемся к какой-то блестящей поверхности. Черный пруд, вижу я, подходя. Это сюда мы направлялись? Франс указывает на глубокую яму у воды, грязную, грозную яму.

– Сюда мы будем сбрасывать приговоренных, – говорит он.

Я слышу тяжелое дыхание Трюс. Мое сердце рвется из груди. Мы обе не произносим ни слова.

Франс останавливается так внезапно, что я чуть не натыкаюсь на него. Оборачивается и как-то странно, визгливо смеется.

– Скажите-ка, а вот Ханс Мок – где живет? – спрашивает он. – Вы же знаете адрес. Где это?

Я ошарашенно таращусь на него. Разве можно задавать такие вопросы?! Трюс потрясенно разевает рот. Мы никогда не выдадим чужого адреса. Никогда!

Ханса Мока мы знаем, он товарищ мамы по партии. Живет на Зейлвег, напротив лица Святой Троицы. Старается помогать Сопротивлению как может, но может он немного: Ханс – еврей.

– Зачем вам? – ледяным тоном спрашивает Трюс.

– Попались, дамочки! – шепчет Франс.

Вдруг я вижу: в правой руке у него какой-то тусклый черный предмет. Я отшатываюсь. На нас надвигается его рука

с... да, черт подери, с пистолетом!

– Я из гестапо. Наша группа работает на СД.

Свободной рукой он вытаскивает из внутреннего кармана большой кожаный бумажник, раскрывает его и демонстрирует удостоверение со свастикой. Из-за документа выглядывает уголок письма с... марками Третьего рейха? С немецкими печатями? Чтобы рассмотреть как следует, пришлось бы наклониться поближе.

– Мы охотники за головами. – Франс гогочет. – За головами борцов Сопротивления.

Я перестаю дышать. Повисает мертвая тишина. Даже ветер в ветвях не шумит. Лишь в небе, где-то высоко, гудит самолет. Другие звуки внешнего мира до нас не долетают. Здесь только мы и Франс.

– Сволочь! – кричит Трюс.

Франс прячет бумажник обратно в карман и машет пистолетом в нашу сторону.

– А теперь – адрес Мока!

– Кроньестрат, – выпаливаю я.

– Сундастрат, – почти одновременно вырывается у Трюс.

– Да, – сдавленным голосом говорю я. – Номер 20.

Франс хватается меня за волосы и приставляет пистолет к моему виску.

– А теперь – настоящий адрес, – шепчет он.

Он тянет меня за волосы, больно. Мама! О боже, мама. Помоги!

— Я знаю, что это недалеко от вашего дома. Так что хватит выдумывать! — Дуло пистолета сползает к щеке, заставляет меня повернуть голову. — Ну же! Настоящий адрес! — Теперь Франс обращается к Трюс: — Не скажешь, застрелю ее у тебя на глазах. Считаю до десяти. Раз...

Моя голова раскалывается. Руки и ноги цепенеют.

— ...два...

Я хочу закричать, но из горла не вылетает ни звука.

— ...три...

Холодная сталь упирается в щеку. Я смотрю прямо перед собой. *Трюс! Ну говори же!* Улица... Какой там у него адрес?

— ...четыре... пять...

— Он живет на... на... — Я буквально вижу его дом. Он недалеко от нашего. Такая красивая улица. Высокие дома. Но я не помню, правда.

— ...шесть...

Когда отец напивался, он иногда бил маму. А она хорошенько давала ему сдачи и выставляла за дверь. Раз — и готово: проваливай! Была бы мама здесь!

Трюс вся посерела.

— Франс, покажи-ка мне еще раз удостоверение, — звенящим голосом просит она.

Левой рукой Франс тянется к карману, правая, с пистолетом, сдвигается на сантиметр. Холодная сталь на миг соскальзывает с моего лица. Ровно в этот момент Трюс бросается вперед и что есть силы бьет Франса по руке. Пистолет

вылетает у него из пальцев. Я вырываюсь, не глядя начинаю пинаться, попадаю ему между ног. Он сгибается пополам, и я запрыгиваю ему на спину. Трюс отбрасывает пистолет подальше. Франс едва держится на ногах, и Трюс тоже наваливается на него. Вместе мы прижимаем его к земле, топчем, царапаем.

– Хватит! – хрипит Франс. – Это была проверка!

Он пытается оттолкнуть нас и подняться. Я впиваюсь зубами в отпихивающую меня руку.

– Проверка! Ай! Хватит! – кричит он. – Это была проверка! Это не взаправду!

Я и слышу, и не слышу его. Мы с Трюс деремся, как слаженный механизм. Как машина. Прикрывая одной рукой лицо, Франс хватается Трюс за запястье.

– Стоп! – с трудом выговаривает он. – Это была... проверка!

Трюс слезает с него, я остаюсь сидеть у него на груди, придавливая коленями. Трюс подбирает пистолет и целится Франсу в голову.

– Ну так стреляй! – ревет он. – Давай же!

– Нет! – выдыхаю я.

Трюс молча отступает на шаг, не отводя пистолет. На щеке у нее краснеет ссадина.

– Жми на спуск! – гаркает Франс.

Конечно, Трюс не стреляет. Я вижу, как она цепенеет. Франс вырывается, и я валюсь на землю. Лодыжку пронзает

жгучая боль.

– Он не заряжен! – кричит Франс.

– Что? – не понимает Трюс.

– Пистолет не заряжен!

Наконец до нас доходят его слова. Франс с трудом поднимается на ноги. Хотя уже темно, я отчетливо вижу, что у него ободрана щека. Из носа течет кровь. От элегантного господина в шляпе ничего не осталось, от кинозвезды и подавно. Да и мы не в лучшем виде: моя блузка порвана, а Трюс... Трюс с сомнением смотрит на пистолет. Потом целится в сторону и очень медленно нажимает на спусковой крючок.

Гремит выстрел. Эхом разлетается по тихому лесу. По деревьям пробегает дрожь. Трюс отпрыгивает, я мигом вскакиваю на ноги.

– Обойма пустая! – кричит Франс. В его лице ни кровинки. – У нас не было патронов!

Он зажимает рот рукой, отворачивается. Сгибается пополам. Его тело содрогается. Кажется, будто его рвет, но нет. Франс распрямляется, поворачивается к нам и переводит взгляд с меня на Трюс.

– Проверка... – в очередной раз повторяет он, тяжело дыша. – У нас кончились боеприпасы.

Трюс еще раз жмет на спуск. И еще раз. Раздаются металлические щелчки. И ничего больше.

– Ты мог умереть! – восклицает она. – Ты. Или моя сестра! – Она швыряет пистолет на землю и складывает руки на

груди.

– Никому нельзя доверять, – говорит Франс. – Вот чему я хотел вас научить.

– Что ж, у тебя получилось, ничего не скажешь. – Лицо у Трюс такое же бледное, как у Франса.

Он подбирает пистолет.

– Нету у нас боеприпасов! Магазин был пустой. Смотрите. – Он открывает пистолет. – В обойме ничего не было, но здесь... – он указывает на ту часть, что находится выше, – в патроннике, судя по всему, еще оставалась пуля. – Он качает головой. – Я устроил вам экзамен на храбрость. Всего лишь хотел понять, можно ли вам доверять.

– И как? – спрашиваю я. – Доволен? Мы выдержали экзамен?

– *Summa cum laude*¹⁰, – отвечает Франс.

– Чего? Какой суммакум? – не понимаю я. – Это еще что значит?

Он еще и мудреными словами бросается, чтобы мы окончательно почувствовали себя тупицами?

– Фредди, пойдем. – Трюс берет меня за руку. – Пора уходить. А то еще нарвемся на патруль.

– Позвольте мне все исправить! – восклицает Франс. – Я не хотел, чтоб так вышло. Честное слово!

Мы притворяемся, что не видим его протянутую в знак

---

¹⁰ С наибольшим почетом (*лат.*) – одна из высших степеней отличия при сдаче экзаменов или получении академической степени.

примирения руку.

Я ушибла ногу и очень стараюсь не хромать, а Трюс, кажется, вот-вот грохнется в обморок, но мы удаляемся с высоко поднятыми головами.

По дороге домой нас разбирает нервный смех.

– Мы отличницы, Фредди, мы выдержали экзамен! – хихикает Трюс, крутя педали.

– Суммакум-отличницы! – вторю я ей.

* * *

Через несколько дней нас допускают на собрание. И мы идем. Я твердо решаю, что и рта не раскрою. Волнуюсь ужасно, как и Трюс. Как у них там все заведено, мы не знаем, женщин в группе нет, мужчины, конечно, все старики, а мы для них – дети. Особенно я. Хотя сегодня я нарочно не стала заплетать косички.

Мы вежливо представляемся. Кроме Франса, «нашего командира», на собрании (в том же лесу) присутствуют семеро. И действительно, им лет тридцать, не меньше, если не считать Абе. Он не такой древний и, кажется, весельчак: с его губ не сходит усмешка, и он приветливо улыбается мне. А вот вдовцу Виллемсену, мяснику и соседу Франса, похоже, далеко за шестьдесят. У него низкий прокуренный голос, хриплый, как у осла.

– Мы что, нуждаемся в помощи детей? – ворчит он, обра-

щаяся к Франсу – тихо, но не настолько, чтобы я не слышала.

– Провалиться мне на этом месте! Да этой мелкой не больше тринадцати! – громко удивляется другой, рыжий, как лис.

«Мне только что исполнилось шестнадцать», – хочу возразить я, но молчу. Франс смеется.

– Потому-то они нам и пригодятся, – объясняет он. – Их никто не заподозрит.

– Да уж, таких-то соплячек, – бормочет Виллемсен.

Уже сгущаются сумерки, хорошенько рассмотреть остальных собравшихся трудно. Но мы знакомимся с Яном, невозмутимым крепышом с копной светлых кудрей, который работает на стальной фабрике в Эймёйдене и состоит в тамошней группе Сопротивления, с Тео, работником цветочной фермы, серьезным типом с большими глазами и тонкими усиками, и с Сипом, молчаливым силачом, шурином Франса, по профессии, кажется, дорожным рабочим. Что до двух других, то я успеваю запомнить только их внешность и фамилии: Румер, который 3-3-заикается и, видимо, поэтому по большей части молчит. Он похож на добродушного пса с грустными карими глазами и обвисшими щеками. Ну и тот лис, Вигер, внешне полная противоположность Румера: рыжий, с худым, резким лицом и бледной кожей.

– И эти девочки не из трусливых, – заверяет Виллемсена Франс.

Я расплываюсь в улыбке и приосаниваюсь. Мне очень хочется быть такой, какой он меня видит. И если я буду делать

как он говорит, обязательно стану ей.

– Вы не думайте, наши фамилии ненастоящие, – с хитрой улыбкой сообщает Вигер.

– Нет, конечно, – отзывается Трюс. – Само собой.

Почему Франс не предупредил, что нужно использовать вымышленные имена? Мы с Трюс дружно бросаем на него сердитый взгляд и продолжаем рассматривать остальных.

– Ну и как, Трюс, – спрашивает Вигер, заметив, как она изучает присутствующих, – кто тут тебе по вкусу?

– Здесь собрались не самые смазливые типы, – говорит Франс, многозначительно косясь на Вигера. – Красавчики слишком привлекают к себе внимание.

Мужчины, конечно, раздражаются хохотом. Трюс смущенно теребит подол юбки. Я делаю вид, что ничего не слышала.

К счастью, это не то собрание, на котором все с важным видом сидят за круглым столом и перебрасываются заумными словечками. Это всего лишь кучка людей, которые стоят в сумрачном лесу, курят и толкуют о том о сем. Я согласно киваю в ответ на все, что они говорят. А обсуждают они нападение Германии на Советский Союз, подходящие для собраний адреса, предстоящие операции. И оружие: как организовать налет на полицейский участок, чтобы раздобыть пистолеты и боеприпасы.

И теперь я и Трюс – мы с ними заодно.

Франс бросает на меня взгляд и замечает:

– Вы с Абе могли бы быть парой.

Я заливаюсь краской, но он поясняет, что мы с Абе вместе пойдем на задание. Я нужна затем, чтобы на Абе никто не обратил внимания.

– Захвати две бутылки с бензином. Сможешь? – спрашивает Франс.

Получив свое задание, дальше я слушаю вполуха. Я иду на свою первую акцию! Я! Фредди Оверстеген! Уже послезавтра! Вместе с Абе. Я расправляю плечи и смотрю на Трюс. Ее взгляд прочесть невозможно, но, надеюсь, она не завидует.

Франс снова заводит речь о гибели «Гёзов», но его останавливает старик Виллемсен:

– Господи, Франс, да ты перепугаешь детей!

– Меня не напугать! – вдруг выпаливаю я.

Это первое, что я говорю по собственной воле, но я действительно в это верю. По крайней мере, в тот миг. Чем больше я узнаю, тем больше крепчает во мне чувство: надо что-то делать. К тому же, напоминая я себе, та история с «Гёзами» случилась много месяцев назад.

– Вообще-то, бояться стоит, – подает голос Тео, тот серьезный тип. У него большие круглые глаза, как у совы. – Я как раз этого больше всего и боюсь – что с нами произойдет нечто подобное. Что нас предадут. Им достаточно опознать кого-то одного из нас...

– Одного! Слышите? – Старик Виллемсен едва не срывается на крик, пинает кучу сухих листьев.

– Одного, – спокойно повторяет Тео. – Установить за ним

слежку, пока он не приведет к нам и... – Он беспомощно разводит руки. Верхняя пуговица его рубашки расстегивается, и он краснеет.

– Что будет, если нас поймают? – робко спрашивает Трюс. За все время это ее первые слова.

– Будут допрашивать, – отвечает Тео, застегивая пуговицу. – И ты расколешься, потому что тебя подвешат за запястья, будут бить, пинать. Ты выдашь...

– Вот мерзавцы! – восклицаю я. – Фрицы правда на такое способны?

Я зажимаю рот рукой и отворачиваюсь. Деревья вокруг – темные тени.

– Да, Фредди, способны, – тихо говорит Трюс.

Да, думаю я. Конечно. Я ведь и сама знаю.

– Начиная с сегодняшнего дня вам больше нельзя просто так доверять людям, – говорит Франс, строго глядя на меня.

Я вспоминаю наш экзамен на храбрость, слабо улыбаюсь и киваю. Потом вспоминаю меффрау Кауфман и ее сына. Ведь мы понятия не имеем, кто их выдал. «Нет смысла об этом думать, все равно не узнаем», – вздохнула мама, когда Кауфманов увезли. А потом сказала то же, что и Франс: «В конечном итоге доверять нельзя никому».

Только теперь я по-настоящему понимаю смысл этих слов.

– Я не струшу, – говорю я. – Точно не струшу.

Но я рада, что сейчас темно и никто не видит, как дрожат

мои руки и колени.

Смеркается. Над крышами низко висит бледный месяц. Издалека мне машет соседский парень. И окликает:

– Эй, Фредди!

Можно подумать, я не заметила его сразу: стройная фигура в развевающемся на ветру зимнем пальто, смешной хохолок темных волос. Можно подумать, я не специально выехала из дому на велосипеде пораньше, не сделала ненужный крюк по нашей старой улице.

Несколько месяцев назад мы переехали в пустующий дом на Оликанстрат, где раньше жила одна еврейская семья, бежавшая в Англию. Оставаться на Брауэрсстрат мама побоялась. Фрицы обязательно вернутся, сказала она, и на этот раз за ней. Ведь она прятала у себя евреев. Мы называли их гостями, но на самом деле то были беглецы. В нашем доме пока никто не живет, мама ищет квартирантов.

– Привет! – говорю я и упираюсь носком ботинка в землю, чтобы не упасть. Но со своего велосипеда не слезаю. Точнее, не со своего, а с маминого: он у нас теперь один на троих.

Когда-то мы вместе играли – мы с Трюс и Петер со старшим братом Стейном. В последние годы я редко видела Петера, хотя как раз тогда он стал мне нравиться. Он ужасно симпатичный: одновременно мужественный и милый, такой может заполучить любую. Сейчас он непринужденно стоит,

засунув руки в карманы пальто, и внимательно глядит на меня.

– Поосторожней с велосипедом. Своего мы уже лишились.

– У вас мужские велосипеды, – говорю я. – Они фрицам нужны в первую очередь.

– Вы как, переехали? – спрашивает он.

Я разглядываю родинку у него над бровью.

– Да, временно. На всякий пожарный.

– И правильно сделали, – говорит Петер. – Эти сволочи уже арестовали и увезли немало ваших товарищей по партии. СД потребовало, чтобы мэрия составила для них список всех харлемских коммунистов.

У меня екает в груди.

– Откуда ты знаешь?

– Это все знают, – усмехается он. Очень мило усмехается.

Конечно, Петеру известно, что моя мама – коммунистка. До оккупации она регулярно вывешивала в окне нашего дома партийные воззвания. Но я никогда ему не рассказывала, что мы прячем у себя людей. Иногда он натыкался на кого-то из них. «У нас гости», – объясняла я тогда.

В нашем новом пристанище всего-то и мебели, что стол, четыре стула, диван и две кровати. Можно не опасаться, что на такое убожество позарятся местные нацисты¹¹.

– Куда собрался? – Я указываю на полупустую сумку, бол-

---

¹¹ Имеются в виду члены нидерландского Национал-социалистического движения (НСД) – единственной партии, разрешенной во время немецкой оккупации.

тающуюся у Петера на запястье.

Петер делает шаг ко мне и облокачивается на руль велосипеда.

– Покупки отнести, – отвечает он. – Для семьи Гротъес.

– Гротъес?

Он кивком указывает в сторону дома чуть поодаль.

– Муж и жена, евреи.

– Им надо найти убежище! Их скоро арестуют и вышлют в...

– Да ладно, без паники! К тому же они старики и не захотят прятаться.

Я вздыхаю. Взгляд останавливается на ладони Петера, что лежит на моем руле. У меня внутри все тает от этой большой, сильной руки.

– А ты не хотел бы делать больше? – сильным голосом спрашиваю я.

– Как ты?

В его взгляде проскальзывает восхищение.

Я слегка качаю головой. Нельзя болтать о том, что я – мы с Абе – вот-вот собираемся сделать, но, черт возьми, это же Петер! И я отвечаю:

– Да. Как я.

Петер улыбается. Его рука на пару сантиметров пододвигается к моей.

– Помнишь ту нашу выходку в Харлеммерхаут? – гово-

рит он. – На митинге Мюссерта?¹² Как мы перерезали кабели усилителей? Ха!

Я тоже улыбаюсь.

– А помнишь, как толпа, сотни людей, стала бренчать велосипедными звонками? – Моя рука на полсантиметра подползает к его. – Хочешь участвовать в таких акциях почаще? «Скажи да, – думаю я. – Скажи да!» Но Петер молчит.

Он отпускает руль, вынимает из кармана губную гармонику и прикладывает ко рту. Из нее вырывается громкий, фальшивый звук. Потом он говорит:

– Из речи этого подлеца никто и слова не разобрал!

– Сыграешь мне песенку? – прошу я.

– В другой раз.

– Обещаешь?

Мы встречаемся взглядами и смеемся – из-за обещания, из-за той выходки. А может, потому, что нам просто приятно смеяться вместе.

– Хорошая была акция, правда? – говорю я.

– Это точно. – Петер прячет руку с гармоникой обратно в карман. – Хотя боевики¹³ из НСД и постарались на славу.

Я киваю. Несколько школьников тогда угодили в больни-

---

¹² Антон Адриан Мюссерт (1894–1946) – основатель НСД, в годы оккупации – глава марионеточного правительства.

¹³ Боевые отряды, или отряды сопротивления НСД (*нидерл.* Weerbaarheidsafdeling), были сформированы по инициативе Антона Мюссерта в 1932 году. В 1935 году были расформированы и ушли в подполье, а после оккупации Нидерландов возобновили активную деятельность.

цу.

– Тебя это пугает? – спрашиваю я. По моему голосу понятно, на какой ответ я надеюсь.

– А ты как думаешь? – Петер хохочет. Он снова берется за руль, слегка наклоняется ко мне и щурит глаза. – Нет, милая Фредди, конечно, нет.

«Милая Фредди». Когда он так меня зовет, сразу подгибаются коленки и заходится сердце.

– Я такой же, как ты, – говорит он. – За словом в карман не лезу, и сам черт мне не страшен...

Я про себя ничего подобного не говорила, но приятно, что он так обо мне думает.

– ...и все же...

– Петер! – В дверях бакалейного магазина возникает его отец с сигаретой в углу рта. Скрюченный старик, страдающий ревматизмом и болезнью легких. – Магазин закрывается, а ты еще не все доделал, олух несчастный! – Он заходится булькающим кашлем.

Петер снова поворачивается ко мне.

– А вот и он!

– Без тебя он как без рук, – говорю я.

– Только он сам этого не понимает, – с улыбкой отвечает Петер.

Трудно, наверное, жить с таким отцом, думаю я. Ноставляю себя вежливо улыбнуться и кричу: «Здравствуйте, мейнр Ван Гилст!» – хотя на ответ рассчитывать не прихо-

дится. Мама говорит, мы для него – сброд, потому что она в разводе. Так что я всегда веду себя с ним особенно вежливо. Мама тоже, но в его лавке она и мешка муки не купит.

Над нами раздается гул самолетов. Мы задираем головы, но небо пасмурное, ничего не видно, и сирена воздушной тревоги молчит.

– Смотри! – шепчу я.

По другой стороне улицы идут двое немцев в форме. Переходят дорогу и заходят в бакалею. Оттуда пулей вылетает серая кошка. Отец Петера идет внутрь вслед за солдатами. Вот как! Значит, он как ни в чем не бывало обслуживает фрицев? Хотя не исключено, что он не может отказаться. Кто знает?

Петер переводит взгляд с солдат обратно на меня.

– У меня просто нет времени, – говорит он.

– На что?

– Чтобы заниматься тем же, чем и ты!

Мне хочется дотронуться до его руки. Но я останавливаюсь. На ум приходят мамины слова, и я говорю:

– Мир больше твоего отца! Стейн ведь тоже может помочь ему в магазине.

Петер засовывает руки в карманы.

– А где ты видишь Стейна? Он сейчас работает за городом, у одного фермера, даже ночует там. Здесь почти не бывает.

– А, – говорю я. – Жалко.

Вдвойне жалко! Я бы и рада свести Стейна с Трюс. Стейн и Трюс, Петер и я – как было бы чудесно! Но Трюс не слишком романтичная особа. Она наверняка останется старой де-вой. А Стейн, значит, дома не появляется.

Петер слегка пожимает плечами. В его взгляде сквозит со-жаление.

– Если бы была жива мама, а папа не болел, я бы вам по-мог, – говорит он.

Я вижу, что Петер украдкой посматривает на меня. И он это замечает. Наши взгляды то и дело пересекаются, и я улы-баюсь. Киваю. Я верю ему. Конечно, верю.

Серая кошка трется о его ноги, но он, похоже, даже не за-мечает. Вдруг я понимаю, что мы неотрывно смотрим друг другу в глаза. Прямо как намагниченные. Я сижу на велоси-педке, так что голову задираТЬ не приходится. Мы все смот-рим и смотрим друг на друга, целую вечность. Даем понять то, что не смеем сказать вслух. Петер слегка улыбается. Он такой большой, а взгляд у него мягкий. Невыносимо мягкий. Моя рука хочет дотронуться до этого лица, провести паль-цами по этому хохолку, коснуться этого тела, а мое тело хо-чет быть к нему ближе, еще ближе, но я слышу собственный голос:

– Ну что, пока!

И я ставлю ноги на педали и срываюсь с места.

– Куда ты? – кричит Петер мне вслед.

– Никуда!

– Можно с тобой?

Но я уже сворачиваю на соседнюю улицу, потом на другую и только тогда позволяю себе отдышаться, вздохнуть глубоко-глубоко и широко улыбнуться.

Через полчаса – уже почти стемнело – я прогуливаюсь с Абе по парку Кенау. Он приобнимает меня за плечи, я его – за поясницу. В свободной руке я несу мамину сумочку. Ох уж этот Абе: рубашка выпростана из брюк, на лице – веселая усмешка, на голове кепка набекрень. Я хихикаю. Ведь девочкам, гуляющим с кавалерами, полагается хихикать. То и дело я кладу голову ему на плечо, на ворсистую ткань его прокуренной коричневой куртки, и в носу свербит от резкого запаха дыма.

Между нами висит странное напряжение. Но мы – Абе и я – не существуем. «Нас» нет.

Если бы я шла с таким верзилой, как Тео, или с кем-то вроде Сипа или Румера, это привлекло бы внимание. А с Абе – нет. Ну и прекрасно, ведь он единственный, с кем я чувствую себя более-менее свободно.

– Двое больших детей, – пошутил Франс. – Ничего необычного.

Абе уже за двадцать, но он рассмеялся! Ну а мне не до шуток.

Хихикая, я прохожу мимо таблички с надписью «Евреям вход воспрещен» – из-за нее я перестала бывать в парке. Абе

притормаживает и обнимает меня. «Петер! – думаю я. – Если бы не фрицы, я стояла бы здесь с ним! И обнимал бы меня – он!»

– А эта акция ничего себе, правда? – шепчет Абе мне на ухо.

Навстречу идут двое немецких солдат в серо-зеленой форме с винтовками за плечами. Когда они приближаются, Абе быстро притягивает меня к себе. Я поскорее зажимаю между нами мамину сумочку. От Абе это не ускользает, и он склоняется ко мне со словами:

– Все для отечества, милая Фредди!

– Не зови меня так!

Его колючий подбородок касается моей щеки. Чего доброго, сейчас еще поцелует!

– Прошу простить, милая дама, – по-доброму подкалывает меня он. – Боитесь, что соседи увидят вас с ухажером?

Я пугаюсь. Хотя нет, вряд ли Петер как раз сейчас гуляет в парке.

Абе сжимает мое плечо. Солдаты уже в пределах слышимости. Я чувствую на лице его дыхание. Его губы совсем близко. Но целоваться в первый раз в жизни – и с Абе? Я рывком отворачиваюсь. Нет уж, спасибо!

Солдаты проходят мимо. Один из них ухмыляется.

Мы делаем еще один небольшой круг по парку, я то и дело хихикаю. Убедившись, что немцы отошли далеко и остановились покурить, Абе шепчет:

– Пора.

Как можно быстрее, но прогулочным шагом, чтобы не привлекать внимания, мы подходим к трансформаторной будке.

– Видишь кого-нибудь? – спрашивает Абе.

По другой половине парка проезжают две машины и два велосипеда. Наша половина пуста. Солдаты отошли еще дальше, я их даже не вижу.

– Никого.

Абе тянет меня за собой, за будку. Она тихо жужжит.

– А тебя не ударит током? – шепчу я.

Он достает из кармана куртки кошки, торопливо привязывает их к ботинкам и качает головой.

– Я ведь не ножницами резать буду.

Он по-обезьяньи вскарабкивается на деревянный столб, я верчу головой по сторонам. Никто не идет. Или все-таки?.. Нет. Никого. Открываю мамину сумочку, достаю из нее первую бутылочку с бензином и выплескиваю содержимое на будку. Затем проделываю то же со второй.

Никого? Окна здания, где располагаются СД и СС, затемнены, как все окна в городе, но как я могу быть уверена, что никто не следит за парком через дырочку в занавеске? Что нас никто не видит?

– Да поторопись же! – задрал голову, нервно шепчу я.

Абе достает из внутреннего кармана перчатки и плоскогубцы и перекусывает провода. Ощущение такое, будто я

крепко зажмурилась: вокруг воцаряется крошечная тьма.

В больших окнах зданий, граничащих с парком, тьма оживает. Кричит мужской голос, распаивается окно, раздаётся ещё один крик.

Абе соскальзывает со столба и падает. Срывает кошки с ботинок, чиркает спичкой и бросает её на крышу будки. Та мгновенно вспыхивает. Я замороженно смотрю на потрескивающее ярко-оранжевое пламя, но Абе хватает меня за руку и тянет за собой. Мы торопливо крадемся, бежим, летим, сломя голову вырываемся из парка, а по улице уже тяжело топают сапоги. Заводится мотор автомобиля. Фары пронзают темноту. Бегущие солдаты. Карманные фонарики. Вой сирены.

Повернув за угол, мы запрыгиваем на наши велосипеды.

– До встречи, милая дама, – говорит Абе. И неожиданно целует меня в щеку. Быстро, но нежно.

Я молча срываюсь с места и несусь в противоположную от него сторону. Неистово крутя педали, несусь к дому в объезд. Сердце колотится, будто я влюблена.

Ну, как я себя показала, назавтра, во время сбора в лесу интересуется Вигер. При этом он несколько раз двусмысленно приподнимает рыжеватые брови. Пошляк.

Абе показывает большой палец.

– У неё талант!

Я складываю руки на груди. Мужчины смеются.

– Что они себе думают? – шепчу я Трюс. – Что мы туда целоваться ходили, что ли?

– Не обращай внимания, – не понижая голос, отвечает сестра. – Мужики! Что с них взять?

Мы ворует удостоверения личности. Доставляем адресатам поддельные или краденые продовольственные карточки и подпольные газеты. Разносим почту тем, кто прячется от немцев. Отвозим еврейских детей в тайные убежища – немцы арестовывают и увозят все больше евреев. Мы старательные ученицы Сопротивления и делаем важное дело, но Франс обещает, что наша первая настоящая операция еще впереди. Я считаю дни. Теперь, когда я приняла решение, мне очень хочется сделать что-то большое. Я слушаю рассказы наших мужчин и представляю себя на их месте. Жизнь до Сопротивления кажется скучной.

«Наберись терпения, девочка», – говорят мне. Или: «Потерпите, барышня». Только Франс к нам так больше не обращается. О нашем «экзамене на храбрость» он никому ни словом не обмолвился.

– Остальные еще узнают, с кем имеют дело, – убеждаем друг друга мы с Трюс.

И вдруг она начинается, настоящая работа. В сентябре сорок второго. Для подготовки мы с Трюс и Франсом несколько дней подряд ходим гулять от площади Хаутплейн до лесопарка Харлеммерхаут. Для меня этот незнакомый район с его широкими аллеями, виллами и статными особняками

– все равно что за граница. Кажется, тут даже небо выше. Здесь можно широко раскинуть руки, можно мечтать и дышать всей грудью. В нашем районе так не развернешься.

– Мы не слишком привлекаем внимание? – спрашивает Трюс после того, как мы несколько раз прошлись по улице туда и обратно. На противоположной стороне стоят несколько фрицев с винтовками в руках.

– А среди них его нет? – спрашиваю я.

– Помалкивай! – огрызается Франс. – Что я вам говорил?

– На улице ни слова о нашей «мишени», – послушно повторяю я.

Трюс улыбается, но Франс выстреливает в меня убийственным взглядом.

Я бормочу извинения. «Слушай, действуй, молчи», – часто говорит Франс. И на последнем слове всегда смотрит на меня.

Он отводит нас в кафе «Клейне Бринкман» на углу улицы Тамплиеров, напротив ресторана «Мужской клуб». Выдавая себя за нашего дядю, заказывает нам по чашке мерзкого суррогатного кофе. Мы с Трюс делаем вид, что ходить в кафе для нас – привычное дело. Народу здесь мало. За дальним столиком устроились четыре старика, за барной стойкой – еще двое.

К счастью, можно не опасаться, что сюда зайдет Петер. Он слишком занят, чтобы таскаться по кафе. В отличие от моего отца. Но тот живет в другой части города, на реке Спарне, в

старом судне, переоборудованном под дом. Здесь мы с ним не столкнемся. Да мы вообще никогда с ним не сталкиваемся. У меня есть отец, но нет папы. Он как дальний родственник, который изредка заглядывает в гости. Свободный как птица. Таких в клетке не держат, говорит он.

Мы сидим за столиком с потертой кружевной скатертью и букетом искусственных цветов. Отсюда открывается прекрасный вид на вход в ресторан «Мужской клуб».

– Туда наша «мишень» часто водит девушек, – сказал Франс.

Но в тот день он, как назло, не появляется.

На следующий день мы снова идем в кафе с дядюшкой Франсом, но фриц по-прежнему не показывает носа. А мы целую вечность киснем над нашими чашками водянисто-коричневого кофе и таращимся на выведенные на стене ресторана буквы: «КАФЕ-РЕСТОРАН “МУЖСКОЙ КЛУБ”. ДНЕВНЫЕ и ВЕЧЕРНИЕ КОНЦЕРТЫ». Торчим там до тех пор, пока официант не опускает светомаскировочные занавески и разглядывать становится нечего.

На третий день в кафе «Клейне Бринкман», когда мы уже перебрали все темы для разговора, а букет на столе лишился последнего листочка, Франс кивком указывает на улицу и, затаив дыхание, произносит:

– Вон он.

Он, наш фриц, стоит у входа в ресторан, под навесом. Зажигает сигарету и бросает взгляд на наручные часы.

– Видно, ждет кого-то, – тихо говорит Франс. – Отлично. В ресторан можно будет не заходить. – Он отворачивается от окна. – Внимательно наблюдайте за ним, но не очень-то пяльтесь. Болтайте о чем-нибудь, только не о нем.

– Кто твой любимый киноартист, Трюс? – спрашиваю я, чтобы что-нибудь сказать. А сама кошусь на улицу.

Прямая, как палка, спина, высокая фуражка, серая форма СД, на ней – наградной крест. Запах до меня, конечно, не доносится, но от него наверняка воняет.

– Мой любимый киноартист... – задумчиво продолжаю я, потому что Трюс не отвечает, – ну... уж во всяком случае не тот... как его.

Я киваю на Франса. Вообще-то он давно перестал мне казаться таким уж красивым или похожим на кинозвезду. Наверное, я к нему привыкла.

– Вот бы настоящего кофе, – бормочет Трюс.

Я изучаю знаки различия на погонах и на воротничке «мишени». Хорошенько запомнив форму, рост и осанку, принимаюсь разглядывать лицо. До сих пор любой фриц для меня состоял из формы и лающего голоса, выражающих одинаковую жестокость. Евреев они расчеловечивают звездой, а себя – этой формой. Но последнее им и в голову не приходит.

Я впервые сознательно стараюсь запомнить лицо фрица. У него правильные черты. Вообще-то... Да, вообще-то, он довольно красив.

– Кларк Гейбл, – говорю я.

Он немного похож на этого известного артиста. Совсем чуть-чуть. Разве так бывает? Может ли человек одновременно быть красавцем и монстром? Не-е, не может. Как правило, нет. Но, видимо, бывают исключения.

Надо смотреть по-другому, понимаю я. Как сыщик. Или как хирург. Нет, как фотограф. Ни разу не держала в руках камеру, но что бы я увидела, глядя в объектив? Узкий прямой нос, широкие темные брови. Камера: щелк. Расстояние между верхней губой и носом больше обычного. Щелк. Рот широкий, верхняя губа тонкая, нижняя – мясистая. Щелк. Его фотокарточка теперь у меня в голове. Глаз издали не разглядеть, но они наверняка голубые.

Скульптор Мари Андриссен¹⁴ предоставил в наше распоряжение нижний этаж своего дома. Куда лучше, чем тесная задняя комнатка в центре города, где мы собирались последние месяцы! Дом Андриссена – это особняк по улице Вагенвег, 246, с расширенным эркером, покоящимся на двух колоннах, и зелеными оконными ставнями. Идеальное место: никаких любопытных соседей. Фасад выходит на оживленную улицу, тыльная сторона – на парк. Для меня это даже не дом, а небольшой замок. Что уж говорить про соседний, напоминающий греческий храм.

---

¹⁴ Мари Сильвестер Андриссен (1897–1979) – нидерландский скульптор, наиболее известный своими работами по увековечиванию памяти жертв войны и героев Сопротивления, среди которых – памятник Анне Франк и памятник героям февральской стачки 1941 года «Докер» в Амстердаме.

В жизни не бывала в таких особняках. Здешние обитатели не носят дырявых ботинок. Здешние обитатели не начинают работать в четырнадцать лет. Что, если бы мы родились здесь?.. Как бы тогда сложилась наша жизнь?

Когда Трюс исполнилось четырнадцать, она устроилась горничной в богатую семью в Блумендале. В подобный дом. Почему-то мне вдруг вспоминается эта история. Уже через три дня сестра с чемоданчиком в руках снова стояла у нас пороге. Сестра делала все, что ей велели, рассказала Трюс. Вытирала пыль, стирала, мыла окна, заправляла постели. Такую работу она терпеть не могла – руки к ней не лежат (так оно и есть), – но послушно все выполняла. И тут госпожа приказала ей вынести горшок. Полный горшок, который стоял наверху в коридоре и в который ночью ходила вся семья.

– Я и дома-то этого не делаю, – сказала Трюс.

– А здесь придется, – ответила госпожа.

– Горшок я выносить не буду.

– Еще как будешь. – Госпожа взяла горшок и поставила его перед Трюс.

А Трюс возьми и скинь его с лестницы.

– Жаль. Все-таки три гульдена в неделю, – сказала мама, но решение Трюс одобрила.

Позже Трюс объяснила мне, что произошло до того, как она опрокинула горшок. А случилось это только тогда, когда госпожа позвала на помощь господина. Господин... Такой весь из себя важный. Он пригласил ее в свой кабинет и

закрыл дверь. Сперва погладил по щеке, назвал милочкой и тихо и участливо спросил, хорошо ли она уживается с госпожой. «Конечно», – ответила Трюс. И тут он толкнул ее к закрытой двери, прижался губами к ее губам и засунул ей руку между ног.

– Я сразу его отпихнула! – воскликнула Трюс решительным тоном, будто я ей не поверила. – И пнула что есть мочи!

Потом она выбежала в коридор, схватила горшок и выставила его перед собой. Господин со смехом увернулся и скрылся в кабинете. Вот тогда-то Трюс и спустила полный горшок по натертой до блеска дубовой лестнице.

– Надо было выплеснуть его прямо на этого паскудника! – сказала я.

Когда я вспоминаю эту историю, меня разбирает смех – очень уж такое поведение непохоже на Трюс. А вот сестре ни капельки не смешно.

* * *

Дом Мари Андриссена настолько внушительный и красивый, что на следующее утро, подходя к двери, мы будто бы уменьшаемся в размерах с каждым шагом. Мы – я и Трюс – идем не торопясь, с как можно более равнодушным видом, чтобы не чувствовать свою ничтожность. Я крепко закусываю губу, а не то еще разину рот.

Ян – тот крепкий кудрявый блондин – уходит, как раз ко-

гда мы подходим к дому. Он дотрагивается до кепки и, едва взглянув на нас, бормочет: «Салют!»

Франс сидит за столом в нашей новой штаб-квартире вместе с Виллемсеном, Вигером и Тео. Виллемсена мы зовем стариком. Каждый раз, вставая или садясь, он кряхтит – «ай-ай-ай!», как старый дед. Вигер ругается как сапожник. Тео, наоборот, учтив и серьезен, верит в бога. Он не коммунист, но знает Франса так давно и хорошо, что решил присоединиться к его группе. Мы все очень разные, но главное – мы все против фрицев.

Абе расположился сзади на широком подоконнике. Мы с Трюс вместе устроились в кресле.

– Завтра вечером пойдете в тот ресторан, – говорит нам Франс. – Вы же немного владеете немецким?

В комнате висит пелена синего дыма. Я очень стараюсь не закашляться.

– Немного? Да мы болтаем свободнее некуда! – отвечаю я.

Я отворачиваюсь от дыма, который выдыхает Франс, и замечаю на подоконнике гипсовый бюст. Это портрет жены Мари Андриссена. Она очень красивая, но ее красоту скрывает широкополая шляпа Франса, которую он накинул скульптуре на голову.

– Врунишка! – со смехом бросает мне Трюс. Ну что за вредина! А Франсу она отвечает: – Объясниться мы сможем. Это все благодаря маме. Она с тридцать восьмого принимала у нас дома бежавших из Германии евреев и коммунистов.

– А, ну да. Отлично. – Франс гасит окурок в полной пепельнице. – Девушки ходят в этот ресторан знакомиться с солдатами вермахта. Одна из вас должна соблазнить нашу «мишень» и выманить на улицу. Скажете, что недалеко лес, вы знаете там укромное местечко и...

Он делает многозначительную паузу и подмигивает. Мы с Трюс смотрим на него. Все молчат. Я вскакиваю и кричу:

– Я что, похожа на девку, которая гуляет с немцами? На шлюху? – Я развожу руки и оглядываю себя, свое еще детское тело: маленькая, бедра узкие, а на месте груди... Гладильная доска, как говорит Трюс. – Да они ни в жизнь на такое не поведутся!

Франс умиленно улыбается, будто перед ним младенец. Мужчины хохочут.

– Давайте, смейтесь! Вообще-то я серьезно! – кричу я и падаю обратно в кресло рядом с Трюс. Мои щеки пылают.

– Я ведь сказал: одна из вас. – Франс кивком указывает на Трюс. – То есть ты. Мы с Виллемсеном будем вас поджидать. А когда вы с фрицем уйдете, Фредди тоже займет свою позицию в лесу.

– И как долго я должна это делать – соблазнять его? – бесстрастным тоном спрашивает Трюс.

– Д-да т-ты п-по... – отзывается Румер.

– Да ты по-быстрому: туда-сюда, и готово, – заканчивает за него Вигер.

Все, конечно, опять гогочут. Кроме нас с Трюс. И Франс

са. Тот бросает на Вигера испепеляющий взгляд. Мужчины пытаются успокоиться. Только Вигер все еще похохатывает.

– Недолго, – отвечает сестре Франс. – Главное, завоевать его доверие. А потом этим доверием воспользоваться.

Он берет перьевую ручку и чернильницу и набрасывает на бумаге ресторан, дорогу к лесу и лесные тропинки. Места, где спрячутся они с Виллемсеном и где буду караулить я, он помечает крестиками, а тропу, по которой должна идти Трюс, – стрелочкой.

– А если он захочет пойти по другой тропе? – спрашивает Трюс.

– Тогда Фредди свистнет, она будет стоять здесь... – Франс указывает на крестик. – Свистеть в пальцы умеешь?

– Конечно, умеет, – отвечает за меня Трюс.

Я пронзительно свищу, сунув в рот большой и указательный пальцы.

– Свистнешь один раз – и мы переменим позицию. Смотри, Трюс, здесь ты войдешь в лес... – Палец Франса скользит по бумаге. – На самом деле тут всего одна тропинка. А у этой развилки спрячемся мы. Твоя задача – завтра к семи вечера привести туда фрица.

Трюс бледна как мел. Руки недовольно скрещены на груди.

– А что это вообще за фриц? – спрашивает она ледяным тоном. – Почему от него надо избавиться?

У меня перехватывает дух. Только теперь, когда Трюс

произнесла эти слова, до меня доходит, что с ним сделают. Я тут же вспоминаю маму. *Не убивайте. Никого, даже злодеев.*

– Он полицейский из СД, который допрашивал «Гёзов», – отвечает Франс.

– И что?

– Один из них умер от пыток еще до казни.

Трюс на миг умолкает.

– От его руки?

Франс кивает.

– Он привязал парня к батарее и раскалил печку докрасна.

– Откуда тебе это известно?

– У меня есть в полиции человек, он на нашей стороне, передает мне информацию и...

– И мы должны верить на слово, что он на нашей стороне? – перебивает его Трюс.

– На нашей, – уверенно говорит Франс. – А что до эсдэшника, то он сейчас работает в Харлеме. Трудится не жалея сил, если ты понимаешь, о чем я.

– А имя у него есть? Как его звать?

– Генрих...

– Генрих Гиммлер, – шутит Вигер.

Остальные смеются.

– Краузе. Генрих Краузе, – заканчивает Франс. – Ну так что? Согласна?

Трюс угрюмо смотрит на него.

– Как далеко можно зайти, чтобы... – Она поднимает гла-

за к потолку, подыскивает слова, но не находит.

– Что бы ты сделала, если бы на кого-то напал лев? – спрашивает Франс. – Прикончила бы льва.

И правда, думаю я. Тот фриц – настоящий зверь.

– К тому же, – говорю я Трюс, – не мы с тобой его ликвидируем.

– Ликвидируем, – поправляет Франс.

– Ну да. Не мы с тобой, Трюс.

– Если ему не помешать... – Франс беспомощно разводит руки.

– Другого пути нет, – резко говорит Вигер. – Мы можем обратиться в полицию, но они с ним заодно.

– Мы хотим предотвратить смерть невинных людей, – объясняет Тео. Иногда он говорит как пастор на проповеди. Немного торжественно и всегда доброжелательно.

– Это я понимаю, – отзывается Трюс, – но...

– Полиция на службе у немцев, Трюс, им больше нет веры. – Франс повышает голос. – Террористы для них – это мы. А этому типу они позволяют пытаться людей.

Трюс медленно кивает.

– Жаль, что мы не можем посадить его в тюрьму, – говорит она. – Было бы правильное.

– Было бы, – соглашается Франс.

– Да, но это невозможно. – Я вытягиваю ниточку из обивки кресла.

– Увы, есть только один способ его остановить. – Франс

смотрит на Трюс, вскинув брови. – Ну так как?

– Ладно, – холодно отвечает Трюс.

Пригнувшись к рулю, Трюс несется на велосипеде домой, будто за ней гонятся. Я трясусь на багажнике, ухватившись за него руками в толстых носках вместо варежек. Из рта вылетают облачка пара. На полдороге Трюс устает и снижает темп.

– И как мне, по-твоему, быть, Фредди? – тяжело дыша, спрашивает она. – Как соблазнить такого типа?

Я прыскаю, но тут же жалею об этом. Трюс никогда не просит у меня совета.

– Дура ты! – сердится она. – А ну как он мне не поверит?.. Что тогда?

Она замедляет темп. Вихляя, проезжает по луже.

Да, что тогда?

– Франс же дал тебе поддельные документы? Возьми их с собой, – говорю я.

– Ну, это самой собой, – бурчит она.

– Тебя не арестуют, Трюс. Ты же не нарушаешь закон.

Стоит полная луна. Так светло, что в канале Лейдсеварт блестит вода, и я думаю: все пройдет хорошо. Все получится.

– А что, если его не... – Трюс останавливается, но потом продолжает: – Он ведь сможет меня опознать. – В ее голосе слышится страх.

Как бы я хотела ей помочь!

Трюс молча едет дальше. Когда мы въезжаем на нашу улицу, раздается вой воздушной тревоги.

— Поторопись! — визжу я.

Прямо над нами гудят моторы самолетов. Бомбардировщики, хотят смести нас с лица земли! Мигом отсюда! Нужно поскорее убратъся с улицы. Когда мы с Трюс заползаем в каморку под лестницей, уже грохочут зенитки. В ожидании сигнала об окончании бомбардировки мы с Трюс и мамой тихонько переговариваемся. Мама сообщает, что завтра поедет к дедушке с бабушкой в Амстердам. Вернется только в понедельник. Я притворяюсь сонной и опускаю голову на колени, но на самом деле во мне зреет хитрый план.

– Вы прекрасно можете посидеть дома одни.

Мама говорит это беспечным тоном, но выпросить у нее семьдесят центов мне удастся легче обычного. Теперь я могу осуществить свой план!

– Знаешь, что мы будем делать? – говорю я Трюс, пока мама наверху собирает вещи.

– Что?

– Пойдем в кино.

Трюс мотает головой.

– Да-да! На какой-нибудь романтический фильм, учиться искусству соблазнения, – самодовольно объявляю я.

– Какой дурацкий план! – Трюс грустно смотрит на меня и со вздохом пожимает плечами.

Днем того же дня мы удобно устраиваемся в мягких креслах кинотеатра «Рембрандт» на Гроде Маркт, главной городской площади. Как только на экране появляется немецкий новостной киножурнал, в зале начинают хрустеть пустыми пакетиками и пронзительно свистеть. Дежурный полицейский не слишком-то старается восстановить порядок. И мы с сестрой хрустим и свистим так громко, что вопли нацистских пропагандистов не долетают до наших ушей и мы едва замечаем жирдяя Геринга. С нас довольно и табличек «Евреям вход воспрещен», что висят у входа.

– Я знаю один анекдот, – говорит сидящая перед нами женщина соседу.

Я тычу Трюс в бок, и мы наклоняемся поближе.

– Встречаются как-то фриц и член НСД. Фриц говорит: «In Deutschland haben wir einen Führer». А тот ему: «Wir auch, aber wir sagen Leider». А фриц: «Das ist zufällig, das sagen wir auch»¹⁵.

Мы с Трюс разражаемся хохотом. Сидящий позади парень стучит мне по спине, выдыхает в лицо дым от сигареты и кивает на экран. Начинается Dreimal Hochzeit¹⁶. По сюжету главные герои – русский князь Александр и простая девушка Вера – любят друг друга, но не могут обвенчаться, потому что она недостаточно высокого происхождения. (У нас с Петером с этим все в порядке, удовлетворенно думаю я. И сразу начинаю по нему скучать.) Князь со временем теряет свое положение в обществе и состояние, а Вера становится известной певицей, но и теперь они не могут вступить в брак: Александр стыдится своей бедности. Позже они встречаются снова. Князь работает в баре, а Вера стала манекенщицей. Наконец они могут пожениться. (Как мы с Петером когда-нибудь, после войны, думаю я. И тут же хочу прямо

---

¹⁵ «У нас в Германии есть фюрер». А тот ему: «У нас тоже, только мы говорим: Leider». А фриц: «Вот и мы так говорим»! (нем.) Führer по-немецки «вождь», как и Leider по-нидерландски. Шутка в том, что по-немецки leider означает «увы, к несчастью». – *Прим. пер.*

¹⁶ «Свадьба с третьей попытки» – немецкий фильм режиссера Гезы фон Больвари 1941 года.

сейчас оказаться рядом с ним.)

Мама расплевалась бы от отвращения, увидев такую идиотскую историю, которая только подтверждает классовые предрассудки, – да, именно так она бы и выразилась. Но я смотрю с удовольствием.

Каждый раз, когда героиня принимает соблазнительную позу, вертит бедрами, хлопает ресницами, я сжимаю руку Трюс. Теперь ясно, что нужно делать: всю улыбаешься, немного прохаживаешься, покачивая бедрами, потом останавливаешься, уперев руку в бок, и заглядываешь мужчине глубоко в глаза. У меня бы получилось. А вот у Трюс... я кошусь на нее. Сложив руки на груди, сестра хмуро взирает на экран.

Сеанс закончен, князь женился на своей возлюбленной, и я довольно вздыхаю. Трюс тоже вздыхает, но по-другому.

* * *

В штаб-квартире на Вагенвег я рассказываю Франсу, что мы сходили на Dreimal Hochzeit.

– Поучиться, как это делается.

Он смеется.

– Хитро придумано!

Я сияю.

– Да, правда же?

Но я быстро стираю улыбку с лица. Ему необязательно ви-

деть, как меня радует всякий его комплимент.

– Очень хитро, – повторяет он. – Ведь о политике с этим типом ты говорить не будешь? Слышишь меня, Трюс?

– Нет, пожалуй, не буду, – отзывается сестра.

– Ни слова о политике! – повторяет он. – Только флирт, больше ничего. – Смягчившись, Франс спрашивает: – И чему же ты научилась, Трюс? Изобрази-ка.

Трюс снова вздыхает, но все-таки встает. В тот же миг раздается воздушная тревога. Франс только что показал нам просторный подвал, но никто из мужчин не двигается с места.

– Здесь бомбить нечего, – объясняет Тео.

Пока ревет сирена, Трюс с вымученной улыбкой прохаживается туда-сюда вдоль стола. Ее бедра дергаются, будто она хромает. Я прикрываю рот рукой. Может, если она еще недельку потренируется, но это... У меня вырывается смешок. Потом икает Абе. И тут уже грохает мы все.

Вигер хлопает себя по коленям от хохота.

– Задница что надо, – говорит он сквозь смех. – Этого не отнять.

Хохот старика Виллемсена переходит в приступ кашля.

– Да провалитесь вы! – кричит Трюс. Она останавливается, широко расставив ноги и уперев руки в боки. – Сами бы попробовали!

Вигер встает и неожиданно ловко и вызывающе принимается вилять бедрами, вызывая очередную волну хохота.

– Смейтесь-смейтесь. – Лицо Трюс нервно подергивается. – Я думала, дело серьезное. Что этот тип... что его нужно скапудить.

– Чего-чего? – переспрашиваю я.

– Грохнуть! – рявкает Трюс.

– Пойдем-ка. – Франс мягко берет ее за локоть и ведет в прихожую.

Мы все еще трясемся от смеха.

Через десять минут они возвращаются. Сирена умолкла, и в комнате внезапно воцаряется мертвая тишина. Рука Франса бережно покоится на плече Трюс. Бедная моя сестра!

– Мать честная! – вырывается у Вигера.

Остальные молчат. Пылающее лицо Трюс покрыто слоем пудры, на веках лежат синие тени, губы – ярко-красные, как у клоуна. Понятия не имею, где Франс раздобыл косметику. Госпожу Андриссен я как-то раз видела – не думаю, что она красится. Мою сестру окутывает облако навязчивого приторно-сладкого аромата. Так пахнут только шлюхи. Мне ли не знать: за углом нашего дома узкий переулок, где работают несколько ночных бабочек. Рука Франса на плече у Трюс напоминает о покровительственном жесте сутенера.

Виллемсен кашляет и отворачивается, но я успеваю заметить промельк удивления в его глазах. Абе закусывает губу и прикрывает рот рукой. Только Вигер лыбится безо всякого стеснения.

– Ты такая красивая, Трюс, – говорю я, потому что осталь-

ные молчат – и потому, что мне, как ни странно, действительно так кажется.

– Ой, закрой варежку, зараза! – огрызается она.

Как объяснить ей, что я ничего плохого не имела в виду?

Трюс вырывает из рук Франса зеркальце, подносит к лицу и впивается в него взглядом. Потом поворачивается ко мне. И мы одновременно разражаемся смехом. Трюс падает на соседний стул, хватая меня за руку и визжит от хохота. Из нее выходит столько напряжения, что смех едва не превращается в плач.

* * *

Пока я высматриваю нашу «мишень», Трюс не поднимает грустных глаз.

– Эй, цыпочка! – дразню я ее.

– Никакая я не цыпочка! – яростно шепчет она.

– Задница что надо, этого не отнять! – подражаю я басу Вигера. Про меня он такого не скажет, у меня и зада-то нет.

Трюс зло щурится. Ее пылающее от гнева лицо блестит под слоем пудры.

– Выше нос! – подбадриваю ее я. – Ты красивая. Все будет хорошо.

Мы пару раз прохаживаемся по улице. Трюс неуверенно покачивается на каблуках, потом говорит:

– С меня хватит! От этого никакого толку, Фредди.

Чуть погода мы усаживаемся рядышком за столик в «Мужском клубе». Нашего фрица пока не видать. За стойкой бара сидят несколько пожилых мужчин. В углу собралась группа шумных, перевозбужденных немецких солдат – молодые парни без оружия. За соседним столиком сидит еще один парень с девушкой, голландкой. На вид ей лет восемнадцать, миловидная, ненакрашенная. Не сводит со своего немца блестящих глаз. А тот отвечает ей не менее влюбленным взглядом. Неужели это любовь? Если да, то в башках у них, должно быть, совсем пусто!

Трюс толкает меня в плечо.

– Чего? – бурчу я, сверля ту потаскушку самым презрительным взглядом, на который способна. Но все ее внимание поглощено кавалером.

И тут я вспоминаю, что пьеса, в которой играю я, требует другого взгляда, и быстро изображаю улыбку.

– Ты только погляди! – говорит Трюс.

Перед этой девчонкой стоит розовый сорбет – огромная порция. Вот везучая! Солдат берет ложечку и подносит к ее губам.

– Она уже у него из рук ест! – фыркает Трюс.

– Тсс!

– Может, и нам попробовать? – предлагает сестра. – Деньги есть.

Да, Франс дал нам десять гульденов, чтобы мы могли что-нибудь заказать. Десять гульденов! Мамино пособие за неде-

лю не намного больше.

– Да нет... – нерешительно отвечаю я.

Мы пожираем взглядом десерт.

– Или... все-таки?

– Нет, – так же неуверенно говорит Трюс.

Она сбрасывает туфли и, морщась от боли и тихо ворча, массирует себе пятки.

– Кофе для молодых барышень? – спрашивает официант. Ему лет пятьдесят. Тесная белая рубашка обтягивает живот, узел галстука распушен.

– Нет! – рывкает Трюс. – Два малиновых сорбета.

Мороженое холодное, сладкое – в жизни не пробовала вкуснее! Я пытаюсь как можно дольше держать во рту каждую ложечку. Закрываю глаза и наслаждаюсь. Чувствую, как сорбет медленно тает на языке.

Но вот угощение кончилось, а нашего фрица нет как нет.

У Трюс в уголках рта остались капельки мороженого. Пока она, чего доброго, не утерлась рукой и не размазала по щекам помаду, я протягиваю ей салфетку и строго говорю:

– Промокни губы!

Теперь, когда мороженое кончилось, часы за стойкой бара снова начинают равнодушно отсчитывать минуты.

– Можешь пока попрактиковаться в искусстве соблазнения, – предлагаю я сестре.

– Да, отличная идея! – с издевкой шепчет в ответ Трюс. – А если кто из фрицев на это поведется?

– Отошьем его, и все.

– На ком практиковаться-то?

Кто бы мог подумать: я даю указания старшей сестре! Ближе всех к нам – тучный немец за стойкой. Я коротко киваю в его сторону.

– Ладно, – к моему изумлению соглашается Трюс.

Она поворачивается к нему, расправляет плечи и выпрямляет спину. Ее груди откровенно выпячиваются. Обычно их не разглядеть. Трюс вечно сутулится, но грудь у нее есть. Настоящая, полная. Нечестно: мне ничего не досталось, а ей на такое наплевать.

Трюс растягивает губы в улыбке. Завлекательно ходить на каблуках она не умеет (да и без каблуков тоже), но сейчас вдруг превращается в настоящую женщину. Не то что я.

– Фу-ты ну-ты! – ахаю я, разглядывая ее бюст. – Смотри не перестарайся, Трюс.

Она притворяется, что не слышит и выпячивает грудь еще сильнее. Будто раздевается у всех на виду. Фриц реагирует незамедлительно. Да, прикидываться соблазнительницей Трюс может отлично. Почему же она была такой неуклюжей, когда мы упражнялись?

Фриц вздергивает брови и внимательно оглядывает ее, будто ощупывая взглядом: сначала лицо, потом – долго – эту scandalную грудь и снова лицо. Затем отворачивается.

Вскоре официант возвращается.

– Желают ли барышни еще чего-нибудь?

– Нет, спасибо, – говорит Трюс.

Официант не двигается с места, и я спрашиваю:

– Вы хотите сказать, это тот господин интересуется? – Я киваю в сторону толстяка за баром.

– Я ничего не хочу сказать, – отвечает официант.

Я краснею как рак.

– Чуть позже, – холодно говорит ему Трюс.

В ресторан то и дело заходят новые посетители. Но не наш фриц. От вызывающей позы сестры не осталось и следа. Грудь снова исчезла, плечи и спина ссутулились. Всякий раз, когда открывается дверь, мы вглядываемся в улицу, где становится все тише и темнее.

Снова подходит официант.

– Давай еще по сорбету? – предлагаю я Трюс.

– Нет, – говорит она, – это уже слишком.

– Нет так нет, – соглашаюсь я.

Но мы съедаем еще по одному. Уже совсем поздно, и нам начинает казаться, что дольше здесь оставаться нельзя: это вызовет подозрения. Наш фриц уже не появится, это ясно. Трюс с видом уверенной в себе женщины подает знак официанту.

– Счет, пожалуйста! – кричит она.

Официант приносит чек.

– Двенадцать гульденов шестьдесят центов. – Он замирает в ожидании.

– Двенадцать шестьдесят? – переспрашивает Трюс.

Я обмираю. Двенадцать шестьдесят! С пылающими щеками Трюс кладет на стол десятку, полученную от Франса.

— Мне добавить нечего, — бормочу я. — Это была ее идея.

— Двенадцать гульденов шестьдесят центов, — отчеканивает официант.

— Да-да, минуточку.

Трюс вскакивает на ноги, копается в одном кармане пальто, в другом, во внутреннем кармане. Кладет на десятку монету в двадцать пять центов. Испуганно смотрит на меня.

Теперь вскакиваю и я. Роюсь в карманах. Двадцать центов! Я кладу их на стол. Трюс тем временем находит еще двадцать пять. Во внутреннем кармане я нащупываю две монетки: пятачок и один цент. Качаю головой: у меня все.

Трюс беспомощно смотрит на официанта.

— Простите, пожалуйста, — по-девчачьи пискливает она.

Потупившись, я изучаю носки своих туфель, но чувствую, что на нас направлены взгляды всех мужчин в ресторане.

Официант хватается Трюс за правое плечо, меня — за левое и сквозь собравшуюся у бара толпу толкает нас к выходу.

— Грязные шлюхи! — кричит он. — Вон отсюда!

Вокруг хохочут и присвистывают. На пороге он отпускает нас. Трюс торопливо распахивает дверь, и я выскальзываю за ней на улицу. Вообще-то, теперь надо в лес, сообщить Франсу о провале, но я сажусь на велосипед, Трюс запрыгивает на багажник, и в темноте мы молча едем домой.

Без мамы дома пусто. Из единственного крана — на кух-

не – капает вода, подчеркивая тишину. Стены неприветливо холодные. Дом словно умер, когда его бросили прежние жильцы.

Я замечаю, что Трюс пробовала платком снять с лица макияж. Щеки все в пятнах, а кожа вокруг глаз синяя, будто ее побили. Она выглядит устало, помято, дешево.

– Дай-ка сюда. – Я плюю на платок и пытаюсь стереть черные разводы у нее под глазами, пока сестра не увидела себя в зеркале. Помаду можно не стирать: съедена вместе с сорбетом.

– Вот так, – говорю я. – Теперь ты снова Трюс.

В воскресенье вечером мы молча едем в штаб-квартиру, отчитаться. Трюс в седле, я на багажнике. Мимо проплывает стена с надписями: «ЧИТАЙТЕ “НАРОД и ОТЕЧЕСТВО”¹⁷» и «МЮССЕРТ ПОБЕДИТ». А вот дом моей одноклассницы Софии, откуда грузчики выносят большой блестящий комод, стулья и стол и загружают в фургон. Я и не знала, что София еврейка. Вот «Крейндел» – пошивочное ателье двух братьев-евреев, пустое, хотя еще вчера я видела, как туда заходили клиенты. На опечатанной двери висит объявление о закрытии. Город – как рот, в котором остается все меньше зубов, думаю я, и вдруг, на Хаутплейн...

Трюс сворачивает с Рамсингел на площадь, и я вижу его. Метрах в десяти от нас на тротуаре стоит фриц, такой же, как все они, в фуражке – тьфу, это их помпезное обмундирование! – горделивая выправка. Но вот он слегка оборачивается, я вижу красивое лицо с темными широкими бровями и понимаю: это наш. «Мишень».

– Трюс! – Я тычу сестру в спину.

Она проносится мимо него, заворачивает за угол. Пока она закрывает мамин драндулет на замок, я окидываю ее тревожным взглядом. Ни макияжа, ни каблуков, скучная серая

---

¹⁷ С 1933 по 1945 год – еженедельная газета нидерландского Национал-социалистического движения.

юбка, плоские туфли. Ничего общего с той женщиной, которой она была вчера...

Что ж, ничего не поделаешь.

Мы со всех ног мчимся обратно на Хаутплейн. Добежав до угла, переходим на шаг, выпрямляем спины, приклеиваем на губы улыбки и рука об руку праздным шагом идем навстречу нашему фрицу. Взгляни на нас, думаю я. Взгляни же! Заметь Трюс. Но он уставился на что-то у себя в руке – на записную книжку, что ли?

Еще несколько метров. Он все еще не обращает на нас внимания. Я громко смеюсь, будто в ответ на шутку. Ха-ха. Есть! Он поднял глаза! Подходит ближе. И смотрит.

На меня. Он смотрит на меня.

Я сжимаю руку сестры. Сделай что-нибудь, Трюс. Скажи что-нибудь. Улыбнись. Нужно подцепить его на крючок, прямо сейчас. Тогда я сгоняю на Вагенвег, и Франс все организует. Давай же, Трюс! Но Трюс точно окаменела. Я жму крепче, и, будто по нажатию кнопки, из ее рта вдруг вырывается визгливое хихиканье. Ни разу не слышала, чтобы она так смеялась.

– Guten Tag, die jungen Damen¹⁸, – говорит немец.

Не знаю, какой голос я ожидала услышать. Кажется, я думала, что немцы способны только орать и рвать. Но этот голос – низкий, бархатный. Голос красивого мужчины.

Он останавливается. Мы тоже. Его взгляд по-прежнему

---

¹⁸ Здравствуйте, барышни! (нем.)

прикован ко мне.

– Здравствуйте! – говорю я и снова сжимаю руку Трюс.

– Здравствуйте! – повторяет она.

– So ein herrlicher Abend, не?¹⁹

Я смотрю на Трюс в надежде, что его взгляд последует за моим.

– Да, – отвечает Трюс.

– Гуляете? – по-немецки спрашивает он.

– Да, – снова говорит Трюс. – Чудесный вечер для прогулки. – Ее голос такой же бесцветный, как и лицо.

«Чудесный вечер для прогулки»! Я невольно улыбаюсь. Мимо как раз проходят две женщины, уголки губ неодобительно поджаты. В точности так люди иногда смотрят на маму с тех пор, как она в разводе.

– Скажи-ка... Можно тебя чем-нибудь угостить?

Воцаряется пауза, такая долгая, что я наконец поворачиваюсь обратно к фрицу.

– Да, это я тебе, – говорит он, обнажая в улыбке крупные желтоватые зубы.

Что ответить? Я нерешительно хихикаю.

– Так как?

– Меня, не... сестру? – лепечу я. – Она старше.

– Так вы сестры? – Он смеется. – Разве это возможно? Ты такая красивая, а она...

– Я согласна, – торопливо перебиваю я его, а про себя ду-

---

¹⁹ Чудесный вечер, не правда ли? (нем.)

маю: «Вот козел!»

– Она может пойти с нами.

– Ты уверена? – шепчет мне Трюс, будто не расслышав его, и я горячо надеюсь, что это вправду так. – Только честно!

Я уже ответила ему, но это неважно. Полсекунды – и решение принято. Такой шанс упустить нельзя. Но есть и другая причина. Он пригласил меня. Не Трюс. Меня. Во мне борются страх и долг, торжество и стыд. Я чувствую их всем своим существом.

Ответив сестре «да», я прислушиваюсь к себе, будто внутренне отступаю. Потом расправляю плечи, заглядываю фрицу прямо в глаза и говорю:

– С удовольствием. – И со словами: «А ты поезжай» – спокойно протягиваю Трюс ключ от велосипеда.

Сестра пытливо смотрит на меня. Я киваю ей, разворачиваюсь и ухожу с фрицем. Мои ношенные тусклые туфли тихонько шагают рядом с его блестящими коваными сапогами.

Вскоре его рука уже тянется к двери ресторана «Мужской клуб». О нет! Официант же меня узнает!

– Сюда мне нельзя, – выпаливаю я. – Напротив есть кафе, туда можно.

Фриц подмигивает мне и вытягивает губы, будто в поцелуе.

– Я разрешаю, – шутливо говорит он.

Значит, «Мужской клуб». Я торопливо вытаскиваю крас-

ные ленточки из косичек и провожу по распутившимся волосам пальцами вместо расчески. Фриц открывает дверь, и я следую за ним.

Надо же, думаю. Только посмотрите на меня! На улице почти стемнело. А я тут, в ресторане, сижу в уголке со своим фрицем и потягиваю горячий шоколад. Шоколад! Здесь его все еще подают! Ну или напиток, который очень его напоминает. Мой фриц пьет пиво. Я стараюсь не дышать слишком глубоко: немецкие солдаты дымят в свое удовольствие. У дверей уборных играет аккордеонист. Поди, из местных, решил подзаработать. За стойкой бара сегодня другой официант.

– Как тебя зовут? – спрашивает фриц.

– Вера, – отвечаю я и тут же добавляю, что мне восемнадцать.

И краснею: даже в мои семнадцать никто не верит. Но он одобрительно кивает. «Und Sie?²⁰» – думаю я. Ему, должно быть, полтинник, не меньше.

Прежде чем он успевает задать следующий вопрос, я спрашиваю его имя – действительно, Генрих, – откуда он, и где находится Наумбург, и сколько он уже в Нидерландах – можно подумать, он здесь на каникулах. У меня отлично получается. Спрашиваю, скучает ли он по родным.

Он склоняется ко мне, щиплет за щеку и говорит:

---

²⁰ А вас? (нем.)

– Когда я встречаю таких хорошеньких девушек, как ты, не скучаю.

У меня перехватывает дух. Не вздумай шлепнуть его по руке! Или облить шоколадом. Мило улыбайся, будто это экзаме́н на храбрость. Я опускаю голову и одариваю его смущенной улыбкой.

Я становлюсь кем-то другим – девочкой, которая не знает, что ответить. Он, этот фриц, Генрих, нагло разглядывает меня и скалится. Лучше бы он оставался для меня лишь мундиром, не превращался в человека с именем. Даже его лица я видеть не желаю. Пытаюсь смотреть на отдельные части лица, не воспринимать его как целое. Толстая нижняя губа, широкие черные брови, голубые глаза – как я и думала. Не выходит. Он становится человеком, мужчиной, у которого есть имя.

Я опускаю глаза. Официант, проходя мимо, положил рядом с моим стаканом бумажную соломинку, но допить через нее последние капли, не хлюпая, невозможно. Но нельзя же оставить их на дне? По-настоящему я почувствовала вкус только первых глотков. Какая жалость!

Не хотела бы я еще?

Я киваю, растягиваю рот в улыбке.

– Да, с удовольствием.

Наши уже поджидают в лесу или нет? Когда мне нужно выманить его на улицу? Заподозрит ли он неладное, если я предложу уйти слишком быстро? Не исключено. Фриц хо-

чет познакомиться поближе, надо позволить ему это сделать. Другого выхода нет. Но чего именно он хочет? Что, если он по-настоящему даст волю рукам?

К горлу подступает тошнота, шоколад поднимается обратно. Я удерживаю его в рту, снова проглатываю. Ставлю локти на стол и кладу голову на руки. Спазм медленно отпускает меня.

Где сейчас Трюс? Наверное, стрелой домчалась до Вагенвег, уже уехала оттуда и теперь караулит на краю леса. Мы ни о чем не договорились, но Франс и старик Виллемсен – или кто-то другой – наверняка уже заняли позиции в лесной чаще. А вдруг она не застала их в штаб-квартире? Да нет, конечно, застала. Не их, так других. И эти другие теперь затаились на лесном посту.

Официант ставит передо мной еще один стакан шоколада. А что, если наших нет? Меня вот-вот стошнит от волнения, я зажимаю рот рукой.

Нужно дать Франсу и Виллемсену побольше времени. На всякий случай.

Фриц берет меня пальцами за подбородок и поднимает его, стараясь заглянуть мне в глаза.

– Что варится в этой хорошенькой головке? – спрашивает он.

Я чувствую, как на щеках выступает румянец. Он смеется и добавляет по-немецки:

– Неприличные мысли?

Я цепенею, и он это замечает.

– Verzeihung²¹, – говорит он, склоняется ко мне и ласково поглаживает мою руку.

Можно подумать, у него есть чувства. Но ведь я знаю, что он творил? Пытал людей вот этими лапами. Резиновой дубинкой... Не думай об этом! Я смотрю на большие мужские ладони, что лежат на моих. Не вырывай рук! Не вырывай. Его широкий рот совсем близко к моему. Я нервно сглатываю.

– Вера, милая, я ведь просто шучу.

Я чувствую его пивное дыхание. Теплый запах въедается в кожу. Внезапно он встает, подмигивает и говорит, что ему нужно в уборную. Будто дает мне возможность уйти, если я этого хочу. На блюде аккордеониста падает монетка, и фриц исчезает за дверью уборной.

Я съежилась так, что плечи почти достают до ушей, и едва дышу. Надо успокоиться. Нужно попытаться успокоиться. Притвориться более опытной. Дать понять, что он мне нравится. И взять дело в свои руки. Я несколько раз глубоко вдыхаю и выпрямляю спину. Прислушиваюсь к тому, что поет аккордеонист: Auf der Heide blüht ein kleines Blümelein. Und das heißt: Erika²². Нетрудно протяжно подпевать ему после каждой фразы: «Э-э-ри-ка».

– Скажи-ка начистоту, – начинает фриц, как только вновь

---

²¹ Прошу прощения (нем.).

²² «На пустоши распускается маленький цветок. И имя ему: Эрика» (нем.).
Немецкий марш, воспевавший любовь к родине.

садится напротив.

Я резко поднимаю голову. Он меня раскусил! Почуял неладное. Я испуганно смотрю на него. Он какое-то время пытливо разглядывает меня, потом похлопывает по руке и говорит:

– Ты ведь пошла со мной, не только чтобы угоститься шоколадом, правда? Скажи честно! – Он качает головой и озорно усмехается.

Я не отвечаю, и он продолжает:

– Тебе нравится моя форма?

Форма? Я не могу выдавить из себя ни звука и только энергично киваю. Он снова смеется. Хоть бы он уже перестал смеяться и обращаться со мной как с маленькой девочкой!

– Я... Да... Она красивая, – мямлю я. – Вы... офицер?

Он самодовольно улыбается.

– Я полицейский, Служба безопасности рейхсфюрера.

Я киваю. Офицер, как же!

– Милая ты девчушка, – говорит он. – Смесишь меня.

Да, это я уже поняла.

Он достает из нагрудного кармана портсигар, вынимает сигарету и зажигает ее.

Протягивает мне портсигар. Я качаю головой.

– Ну и правильно, – говорит он. – Курящие женщины менее пригодны к репродукции. Пей!

Он щелкает по моему стакану и смотрит, как я пью, будто послушный ребенок. Пью, не чувствуя вкуса. Потом он вы-

нимает что-то из кармана и кладет передо мной. Пять рейхсмарок.

Орел с распростертыми крыльями на венке со свастикой. Я непонимающе таращусь на него. Фриц облизывает губы, пододвигает монету ко мне и кивает.

– Это тебе.

Значит, он решил, что я... У меня за спиной звенят бокалы, горланят и хохочут солдаты, но все это кажется ужасно далеким.

– Ладно, – говорит фриц и кладет рядом еще одну монету. О нет! Я поскорее забираю деньги, пока он не положил еще.

– Купи себе что-нибудь красивое, – говорит он.

Официант ставит на наш столик бутылку с воткнутой в нее свечой и чиркает спичкой. Мой фриц выглядит ужасно довольным. Он снова берет меня за подбородок и снисходительно говорит:

– Ничего, что ты не блондинка. У тебя такие правильные черты лица. Ты арийка. – Он нежно проводит пальцем по моей скуле. – И несомненно нордической расы. Несомненно.

Я пытаюсь изобразить улыбку.

Аккордеонист поет: «Deutschland erwache aus deinem bösen Traum!» Я отстукиваю ритм пальцами. «Gib fremden Juden in deinem Reich nicht Raum!»²³ Я резко останавливаюсь

---

²³ Германия проснулась от дурного сна! Не давай места иноземным евреям в Твоем Царстве! (нем.)

и вдруг слышу собственный сердитый голос:

– А что, если бы я не была арийкой? Что, если бы я... – Да. Хочу проверить его реакцию. В притворной задумчивости я поднимаю глаза к потолку. – Что, если бы я была еврейкой?

Он давится дымом, захлебывается в кашле.

– Еврейкой? Ты?

– Нет-нет, никакая я не еврейка! – быстро успокаиваю его я.

Он хохочет.

– Как бы я тогда поступил? – Он выпячивает губы, наклоняется ко мне, его мясистая нижняя губа касается моей. – Что ж, крысу ведь я целовать не стал бы?

Я хватаю стакан шоколада, соломинка ускользает от меня, я поскорее засовываю ее в рот и пью. Напрягаю каждую мышцу на лице, чтобы не выдать себя, скрыть свои чувства.

Боже, он наверняка меня раскусил! Чего доброго, еще все испорчу! Спокойно. Спокойно. Что теперь делать? Что бы сделала на моем месте Вера из «Свадьбы с третьей попытки»? Я наклоняюсь к нему поближе, кладу руку себе на грудь и оглядываю его снизу доверху.

– Sie gefallen mir, Herr Offizier²⁴, – говорю я.

Он раздражается хохотом. Берет мои ладони в правую руку, а левой поглаживает руку там, где рукав блузки обнажает ее, а я... я обмираю, но не протестую. Отвожу глаза и ловлю на себе взгляд одного из солдат. Мой фриц это замечает.

---

²⁴ Вы мне нравитесь, господин офицер (нем.).

Внезапно мне хочется покончить со всем как можно скорее.

– Мы можем пойти в другое место, – шепчу я. – Рядом лес, я знаю там один укромный уголок. Очень красивый. У пруда.

Он затягивается сигаретой, его глаза удивленно распахиваются. Он мне не верит.

– Там так романтично, – стараюсь я его убедить, но по его громкому хохоту понимаю, что в этом нет необходимости.

Он заговорщически прищуривается.

– Такая молоденькая, такая доступная и...

Аккордеонист играет громче, последних слов не разобрать, но я все равно краснею.

Фриц встает, бросает недокуренную сигарету в мой стакан. Пока он рассчитывается, я надеваю пальто. Застегиваюсь на все пуговицы.

У дверей я на миг оборачиваюсь. Что это... или мне показалось? Он трясет кулаком. Неужто показывает фигу солдатам? Ну и гад! Или мне все-таки показалось? Но почему тогда солдаты хохочут? Вот бы хлопнуть дверью прямо перед его рожей и смыться отсюда. Почему же я не двигаюсь с места? Разве то, что чем я тут занимаюсь, – Сопротивление? На такое я не способна!

Но единственное, что я делаю, – это торопливо отворачиваюсь, притворившись, что ничего не заметила.

А вот и он, мой фриц. Берет меня за руку. Я машинально отдергиваю ее и сердито бросаю:

– Не здесь!

Он хохочет.

На улице черным-черно. Окна затемнены. Фонари не горят. На небе висит узкий серп луны.

– Постой-ка, – говорит фриц, когда мы сворачиваем с Хаутплейн на Дрейф, широкую аллею, ведущую к лесу. Он берет меня за плечи, разворачивает к себе и начинает расстегивать мое пальто.

– Да не здесь, идиот! – вырывается у меня.

Я пытаюсь запахнуть полы, но он тут же силой разводит мои руки.

– Я только взгляну, – говорит он жестким, приказным тоном, тоном немецкого командира, не терпящего возражений. – Потом пойдем дальше.

Я застываю с поднятыми руками, как преступница.

Он разглядывает груди, которых у меня нет. Берет их в свои лапищи и сжимает. Сильно, до боли. Я рефлекторно пытаюсь сбросить с себя его руки, но он строго предупреждает:

– Но-но!

О боже. Мама! Хоть бы наши уже были в парке, а не то...

У меня на глазах выступают слезы – не уверена, что от боли. Я опускаю руки. Тогда он наклоняется и прижимается своими губами к моим. Заталкивает язык мне в рот.

– Нет! – Я вырываюсь, оглядываюсь по сторонам. – Тут люди!

– Да перестань. Никого тут нет, – зло говорит он.

И он прав. Широкая улица пуста. Он снова целует меня. Я содрогаюсь от отвращения, но делать нечего. Надо ему подыгрывать. Позволить ему делать то, что он хочет. Не сопротивляться, когда его язык снова полезет ко мне в рот, как скользкая рыба. По крайней мере, какое-то время. Я считаю до пяти. Потом снова отталкиваю его. Беру под руку. Пытаюсь изобразить девичий смех и пойти дальше. Выдавливаю из себя фальшивый писк. Еще чуть-чуть, и он почует притворство.

– Мы почти пришли, – говорю я. Но недостаточно сладким голосом. Недостаточно влюбленным. Я сдерживаюсь, чтобы не побежать. Коленки трясутся. По спине градом каплет холодный пот. Все идет не так! Надо что-то предпринять.

Я сжимаю его руку. Для него это сигнал. Он останавливается, сгребает меня в охапку и толкает в направлении кустов.

– Тебе любой куст подойдет! – говорю я. И замечаю, что впервые обращаюсь к нему на ты.

– Еще бы. С такой-то красоткой... – Он тяжело дышит мне в щеку.

– А мне нет! Мне нужно особое местечко. Это совсем недалеко, правда.

– Ох, да ладно тебе... Пожалей меня. Я такой одинокий... – Он смеется мне в ухо.

– Иначе я уйду, – зло бросаю я.

– Ну ладно, ладно. – Он вздыхает. – Хорошо, дорогуша.

Как будет угодно даме.

Мы идем дальше.

– У меня есть сын, Хейнци, ему восемь с половиной, – начинает он, – и жена, но она...

– Замолчи! – обрываю его я.

Хейнци, маленький Хейнци и жена...

Он умолкает. Потом говорит:

– Entschuldigung²⁵.

Наконец мы добираемся до тропы, которую Франс указал на карте. Она ведет к пруду. Где-то здесь должна караулить Трюс. Я стараюсь незаметно оглядеться. Прислушиваюсь. Есть тут кто?

– Почти пришли, – шепчу я. – Вон там пруд.

– Да уж, Вера, надеюсь, – не понижая голоса, отвечает он. – Еще чуть-чуть, и я лопну.

Он берет мою руку и кладет ее на доказательство своих слов. С силой прижимает ее к ширинке. Я глупо улыбаюсь и хочу вырвать руку, но он намного сильнее меня. Он водит моей рукой по грубой ткани брюк, вверх-вниз, вверх-вниз.

Наконец мы двигаемся дальше, ступаем на тропу, но почти сразу он останавливается.

– Порох рвется наружу, – говорит он, склоняясь ко мне.

В его глазах – вожделение. Где же Франс? Почему не свистит Трюс? Что, если они не пришли? Фриц расстегивает мою блузку, быстро и жадно, и смотрит. И смотрит. Я дро-

---

²⁵ Прошу прощения (нем.).

жу, опускаю глаза, чувствую свою наготу. Мне страшно. Он прижимается ко мне и начинает возиться с застёжкой бюстгальтера, но без успеха. Фриц оставляет мою спину в покое, возвращается к своей ширинке. Я вижу, что он делает, и поскорее отворачиваюсь. Чувствую, как его член прижимается к моему животу. Я ничего не могу поделать. Просто жду. Жду, когда это закончится.

– Halt!²⁶ – раздается крик.

Из-за поворота кто-то выходит.

«Наконец-то!» – думаю я. И все же испуганно сжимаю руку моего фрица. Это уже не игра. Сейчас все начнется по-настоящему. Фриц поспешно застегивает штаны и успокаивающе берет меня за руку. Я застываю на месте, хотя и знаю, что это кричал Франс. Но облегчения не чувствую.

– Здесь частная собственность! – кричит Франс. – Немедленно уходите! Иначе я сообщу ортскоменданту Фройде.

Молчание.

– Verstehen Sie mich? – кричит Франс. – Verschwinden Sie!²⁷

– Entschuldigung!

Фриц щелкает каблуками, я отпускаю его, и мы поворачиваем назад. Он снова берет меня за руку и сжимает ее, успокаивающе сжимает. Рядом со мной ты в безопасности, говорит его рука, теплая и сильная. А я привела его на распра-

---

²⁶ Стоять! (нем.)

²⁷ Вы меня поняли? Уходите! (нем.)

ву. Я предательница. У меня сжимает горло, как от удушья. И тут... Тут сзади раздаются торопливые шаги, обнажается нож. Я его не вижу, но знаю, что это так. Знаю, что нож врежется в спину фрица. Глухой треск: лезвие разрывает шинель, проходит между ребрами и вонзается в сердце. Рука фрица выскальзывает из моей. Он со стоном падает. Медленно падает. Сперва замирает и какой-то миг стоит как вкопанный, делает неуверенный шаг вперед, прочь от меня, потом снова назад и смотрит на меня широко распахнутыми, полными упрека глазами. Падает на колени, хрипло шепчет: «Du...»²⁸ И ничком валится на землю. Из его спины торчит рукоятка ножа. Ненужная теперь фуражка соскальзывает с головы и откатывается в сторону. Руки и ноги еще какое-то время подергиваются. Потом замирают, и вот он лежит передо мной без движения, на тропе, уткнувшись лицом во влажную землю. Я вся съеживаюсь, вот-вот упаду сама. Но не падаю. Я не в силах шелохнуться. Кажется, я чую запах его крови – запах теплой влажной земли и железа. Снова слышу глухой звук ножа, вонзающегося в спину. Снова чувствую горячую руку фрица. Чувствую, как она выскальзывает из моей.

Вдруг рядом возникает Виллемсен, толкает меня к дереву. – Постой там, – шепотом приказывает он. Старик запыхался: в груди у него пищит и хрипит. – Покарауль.

Маленькая Фредди срывается с места и со всех ног бежит домой. Другая Фредди говорит «да» и смотрит на фри-

---

²⁸ Ты... (нем.)

ца. На его бездыханное тело. Как он может быть мертвым, если только что был такой живой? «Чудесный вечер для прогулки».

Быстро и молча Франс и Виллемсен снимают с моего фрица всю одежду, словно свежуют дичь. Мой фриц. Их охотничий трофей. Заворачивают подкованные сапоги и фуражку в форму, так что получается сверток. Все это им еще пригодится. Пистолет исчезает в кармане Франса. Затем каждый из них берет фрица за руку, и они стаскивают голое тело с тропы.

Без формы фриц уже не фриц. Туловище и ноги волочатся по земле, он напоминает большого белого зверя с красной спиной. Его лицо повернуто к земле, в которой он исчезнет. Его подтаскивают к свежевыкопанной могиле, сваливают в нее и засыпают землей и листьями. Я заметаю веткой следы, оставшиеся от тела. Франс набрасывает сверху ветки и мох.

– Ты первоклассный мясник, – шепчет Франс Виллемсену, – но, слава богу, для следующего у нас теперь есть пули.

Этот фриц – второй мертвый человек, которого я вижу. Первым была бабушка с отцовской стороны. С ее смертью было трудно смириться. Смерть этого – совсем другое дело, убеждаю я себя. Но перед глазами стоит его лицо. Его лицо с голубыми глазами и широкими темными бровями. Рот с мясистой нижней губой. Его лицо не так уж сильно отличается от лица Франса, Абе или моего отца. Он такой же, как мы. Генрих. Мужчина. Отец. Фриц. Человек.

Хейнци больше не увидит своего отца.

У меня сводит желудок, ко рту неудержимо подкатывает рвота. Я сгибаюсь, и из меня выплескивается поток коричневой жидкости. Но это лицо теперь навсегда останется в моей памяти.

Чуть погода мы с Трюс едем домой. Франс сказал, уже почти одиннадцать, вот-вот наступит комендантский час: наводиться на улице нельзя, нужно торопиться. Сестра крутит педали, я сижу сзади. Две монеты жгут карман моего пальто. Мы молчим, но я не плачу, только дрожу.

Дома я забиваюсь в угол дивана, а Трюс опускает светомаскировочные занавески. Сестра приносит чаю, но я к нему не притрагиваюсь, и она выпивает его сама. Мы вроде бы вместе, но не вместе. Ложимся на кровать прямо в одежде, спиной друг к другу. Как будто нам стыдно. Что-то произошло. Что-то, что оборвало мое детство. Но мы все так же молчим. У нас просто не хватает слов. Засыпаю я только через несколько часов, но, когда просыпаюсь, понимаю, что ничего не изменилось. Мой фриц по-прежнему мертв.

– Отличная работа, девочка! – хвалит меня Франс.

Сегодня из мужчин явились всего трое: Сип, Франс и Абе. Ян, как обычно, исчезает, как только мы переступаем порог. Он помогает Франсу, но в нашей группе не состоит.

Абе согласно кивает, пожимает мне плечо, и я непроизвольно улыбаюсь. Трюс бросает мне неодобрительный взгляд, но я и без того уже залилась краской. Пожимаю плечами: мол, не так уж было и трудно. Но предавать кого-то, пусть даже и мерзавца, я больше не стану, никогда.

Нет! Нельзя так думать. Это не предательство, это сопротивление!

Франс кладет в карман брюк рейхсмарки, которые я ему отдала.

– Может, еще пригодятся, – говорит он, пожимая плечами.

Он зажигает самокрутку, тонкую, как соломинка. Под толчком клубится синий дым: и не скажешь, что табак выдают по карточкам. Пепельницы наполнены доверху. Табак, конечно, из окурков: на улице валяется достаточно бычков, чтобы накрутить из них новых сигарет.

– Его сослуживцы, поди, еще и не подозревают, что его прикончили, – говорит Франс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.